

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

КОНСТАНТИН ТУМАНОВ
**ТРУЩОБЫ
ПЕТЕРБУРГА**

Клуб классического детектива

Константин Туманов
Трущобы Петербурга

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)

Туманов К.

Трущобы Петербурга / К. Туманов — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Клуб классического детектива)

ISBN 978-5-906827-71-5

Всеволод Крестовский не раз называл Константина Туманова своим учителем и даже своему самому знаменитому роману дал почти то же название. Популярный в конце XIX века К. Туманов по словам В. Бонч-Бруевича «Заложил краеугольный камень российского детектива», однако после революции был забыт и в советское время практически не издавался. В данной книге представлен самый знаменитый роман К. Туманова «Петербургские трущобы», а также «Уголовные рассказы», многие из которых легли в основу произведений таких мастеров детектива начала XX века, как А. Зарин, А. Красницкий и А. Шкляревский.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-906827-71-5

© Туманов К., 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Петербургские трущобы	7
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	18
Глава IV	22
Глава V	25
Глава VI	30
Глава VII	35
Часть вторая	42
Глава I	42
Глава II	48
Глава III	51
Глава IV	55
Глава V	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Константин Туманов Петербургские трущобы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1897 год

Петербургские трущобы (Уголовный роман)

Часть первая Братья-враги. любовь и ненависть

Глава I Славны бубны за горами

ИВАН ДЕМЕНТЬЕВ, НЕСМОТРЯ на то что было воскресенье, работал в поте лица своего. Это было буквально так, потому что июльское полуденное солнце обжигало своими горячими лучами всю окрестность, так что остальные обитатели села Подозерья предпочитали

отдохнуть после сытного обеда где-нибудь под навесом, на сеновале или в огороде, под тенью развесистого дерева.

Дементьев, рослый, красивый мужик, которому еще тридцати лет от роду не было, весь обливаясь потом, возился у себя на дворе, врывая в землю столб, одному ему только известно, к чему предназначенный. Он еще не обедал, и его жена Марьюшка положительно выходила из себя, то ставя на стол превосходные вареники со свининой, жирные щи, то опять убирая их обратно в печь уже остывшими, к величайшему неудовольствию кота Васьки, тоже проголодавшегося и с нетерпением ожидавшего, когда хозяева сядут обедать.

Дементьевых было два брата. Один из них – Иван, младший, женившийся года три тому назад и живший своим хозяйством, а другой старший, Матвей, живший постоянно в Петербурге. Он был старшим дворником в одном из богатых домов, получал хорошие доходы и в своих письмах не мог нахвалиться своим житьем, причем не забывал своей деревенской родни, посылая им подарки и деньги. Да и родни этой было немного, – раз, два, да и обчелся: старушка-мать, жившая у Ивана, брат с женой и родной дядя Елизар с женою, и больше никого. Иван считался одним из справных мужиков в селе. Изба у него была отделана заново и отличалась чистотой и опрятностью. Был довольно обширный огород, овощи с которого он продавал в городе. Обрабатывал поле, часть которого принадлежала его брату, – все, понятно, не один, а нанимая поденщиков и поденщиц, которых было немало, благодаря тому, что через село проходила большая шоссе́йная дорога, по которой то и дело проходили пешеходы обоюго пола, которые и нанимались на работы, чтобы запасть средствами на дальнейший путь.

Хозяйство вести – не бородой трясти, как говорит русская пословица, и вообще дело очень нелегкое, и потому муж и жена работали не покладая рук, пренебрегая даже праздниками, чему справедливо возмущалась мать Ивана, старушка Иринья.

И теперь, придя из церкви, она терпеливо ждала, когда сам бросит работу и сядет за стол, хотя в душе очень сердилась за то, что сын и его жена живут, по ее мнению, по-питерски, не почитая праздничных дней, работают даже во время обедни.

«Почитай и совсем дорогу забыли в храм Божий, – думала она. – Будет ли из этого толк какой-нибудь?»

А Иван знать ничего не знает. Он вставил столб в землю и, засыпав яму землей, начал старательно утрамбовывать.

– Ваня! – крикнула ему из окошка жена. – Иди обедать, шти стынут.

– Сейчас! – слышится ответ.

– Чево сейчас! Маменька от обедни пришедши, есть хочет... Аль до вечера работать будешь, што ли?

Иван бросил в сторону трамбовку, обтер рукавом рубахи пот с лица и пошел в избу.

За ним, виляя пушистым хвостом и облизываясь, пошел огромный пес Михрютка, до носа которого доносился вкусный запах щей. Но ввиду того, что у наших крестьян пускать собак туда, где находятся иконы, не принято, то перед носом Михрютки была захлопнута дверь, и пес, сбежав с крылечка, уселся под окном и начал лаять, чтобы напомнить о своем присутствии.

– Ишь какую моду завел! – сердито заговорила мать, когда Иван, перекрестясь перед иконами, уселся за стол. – Люди добрые Богу молятся, а он словно басурман какой работает! В неделе дней мало у тебя, что ли?

– Мало и есть! – ответил Дементьев, откупоривая приготовленную для него сороковку. – Не увидишь, как день пройдет, туда-сюда, то в поле, то в огороде, глядь – и солнышко закатилось, и выходит, что будто и не делал ничего.

– Нетто у тебя одного такое хозяйство? – продолжала старуха. – Вот у Еремеевых хозяйство не меньше твоего, а вот управляют. А придет праздник, в храм Господень сходят, а день отдыхают. Вот сегодня отец Павел проповедь сказывал. Во всех землях иностранных, где

вера не такая, как у нас, не православная, и там празднички чтут, в церковь ходят, а в свободное время Библию читают, и не пьянствуют и проводят день честно и благонаравно! И никогда, сказывает, такому человеку пути не бывает.

– Э, полно, маменька! Вот брат Матвей из Питера пишет, что он сам по праздникам должен был работать, улицу подмести, дрова по жильцам разнести, и от этого не только не лишился дохода, а стал еще богаче. Двух подручных имеет и от себя им жалованье платит и сам, почитай, барином живет!

На эти слова старуха только махнула своей костлявой рукой.

– Слыхивала я и знаю! – сказала она. – И сама там смолоду была и ко всему пригляделась... Ладно иному там живется, что говорить, но иному куда как туго приходится... По моему, нет лучше житья, как в деревне, особенно у кого хозяйство. Трудно-то трудно, что говорить, а труды Бог любит, за труды благословляет, только за благовременные, вот оно что!

– Маменька, выпей рюмочку! – предложил сын, чтобы прекратить разговор или переменить его.

– Нет, куда мне... Такая жара и водка, тут обалдеешь, батюшка!

– С одной-то?

– Много ли мне, старухе, нужно? А впрочем, налей махонькую. Свининка больно скусна, разве перед нею.

Муж с женою улыбнулись, а Иван налил матери маленькую рюмочку.

– Гав! Гав! – просительно лаял за окном Михрютка.

Ему была брошена большая кость. Все принялись за щи, и несколько минут прошли в молчании.

– Что это Матюша к нам не едет из Питера? – вспомнила бабушка Ирина о старшем сыне. – Надись писал в письме, что приехать собирается.

– Это он так говорит, – сказал Иван. – Экое место занимает и вдруг бросит его... Назад приедет – новое искать придется.

– Сколько годов я его не видала! – сказала старушка. – Чай и не узнать его теперь.

– Знамо, изменился. Теперь ему, пожалуй, за тридцать пять годов перевалило.

– А все еще не женат ходит.

– В Питере этого добра сколько угодно! – двусмысленно улыбнулся Иван.

Раздался легкий стук в окно с улицы, и затем показалась физиономия пожилого мужика с рыжей бородой с проседью.

– Ишь, обедают еще! Хлеб да соль вам! – послышался его голос.

– Милости просим, дядя Елизар! Войди в избу-то! – пригласил Иван.

– Да и то, иду!

Через минуту вошел в избу дядя Елизар, рослый и здоровый старик. Истово перекрестившись перед иконами, он опять повторил свое приветствие.

– Хлеб да соль... приятно кушать.

– Благодарим покорно! Садись, дядя, хряпнем по стаканчику.

– Спасибо, недавно обедали, а после обеда какая беседа... Отдохнуть бы мне, а вот пришлось к вам идти!

– Нешто новость какая? – спросил Иван.

– Письмо из Питера Фома нес к тебе, а я перехватил; дай, мол, сам донесу, любопытно очень знать, что он пишет.

– А вот кончим обед и прочтем. Марьюшка, давай сюда, что у тебя на второе? Шти убери. При такой жаре и горячее хлебать – только в пот бросает. Дядя Елизар, присаживайся. Вино есть, а коли не хватит, за новой пошлем.

– Ох, бывшее дело, пил я давеча! – молвил дядя Елизар и подвинулся к столу.

Во время длившегося почти час обеда, довольно обильного у зажиточного крестьянина, были поданы ватрушка с творогом, каша с молоком, жареная свинина с картофелем и все в таком обилии, что можно было бы пригласить еще гостей, которых, впрочем, Дементьев и поджидал к вечеру.

Первым долгом бабушка Ирина пожаловалась Елизару на то, что ее сын возымел привычку работать по праздникам и во время богослужения.

– Вот уж это не ладно, племянничек, – с укором покачал головой Елизар. – В такую пору и немец не работает, не только православный. Был бы жив твой отец, Царство ему Небесное, не похвалил бы за это!

– Да что же тут поделывать, делов необоримая куча, – оправдывался Иван. – Вот уж месяц как собираюсь новые столбы под навес поставить, старые совсем прогнили, а через крышу вода протекает, новым тесом покрывать надо, а где время-то взять, сам не знаешь, страдная пора теперича, везде работа в поле, везде... А много ли рук у нас, только мои две. Марья тоже по горло занята.

– Ну что ж, нетто у тебя одного только работа? У всех, батенька, одинаково, а в воскресенье все празднуют, потому что сказано в Писании: шесть дней работай, а седьмой – Господу Богу твоему, вот оно как.

– Ах, дядя, ты вот на немцев ссылаешься, а между тем в горячую пору я своими глазами видел, в ихней колонии в праздник работают вовсю.

– Все может быть, и я это хорошо знаю. Но они все-таки утром ходят в свою кирку, потом, пообедавши, отдохнут, а после и за работу... Это, по-моему, простительно, потому что все-таки честь Господу Богу сперва воздать надо, а потом уже... Ну да ладно, не нам тебя судить, а все-таки нетерпение у меня узнать, что Матвей наш пишет.

– Да что ты, дяденька, сидишь и ничего не ешь? Попробуй хоть жарковья-то, очень вкусное! – сказала Марьюшка.

– Спасибо, сытехоньки. Обедал недавно, и только того ради, что выпил малость, закусил, а то ни в рот ногой!

– Тогда выпьем еще для аппетита! – предложил Иван, наливая стаканчик.

Старик взглянул на водку, подумал немного и сказал:

– Разве что... Ну за ваше здоровье, еще раз с праздником!..

И оба, чокнувшись, выпили.

Наконец кончился этот бесконечный праздничный обед, и тогда Иван принялся за чтение письма.

Вот что писал Матвей Дементьев. Выпустив все эти бесконечные поклоны всем родным и знакомым, из которых каждый именуется по имени и отчеству с приложением после каждого имени: «От племянника вашего (или от знакомого, если не родня) Матвея Михайловича» и так далее, что занимало главное место в нескольких страницах, прочтем следующее:

А о себе сообщаем, что я жив и здоров, чего и вам желаю, что я нонеча из старших дворников стал управляющим в доме Бухтоярова, что на Морской улице, а дворник теперича очинно нужен в доме. Доход большой, и по симу мне ни охота ставить на это место из посторонних личностей, а лучше сваво сродственника хотя и брата, потому что ты в грамоте гораздо знаешь лучи меня дело не мудреное, а землю, избу передай, передай дяди Елизару пицай ен за все поглядает и родительницу нашу возлюбленную держит в спокойствии и денег мы ей завсегда приишем пицай, значит, старушка Божия, живет в спокое, потому сам Бог велел почитать своих родителей. Как уберешься в поле, так приезжай к нам в осени с супругой Марьей Васильевной потому бис хозяйки жить никак не возможно, а место я приберег до осени...

Иван прочел письмо до конца, медленно свернул его и сказал:

– Ну, что ты скажешь, дядя Елизар? Брат в Питер зовет и хорошее дело сулит.

Елизар был мужик степенный и рассудительный, и потому племянник ждал от него справедливого ответа.

– Не знаю, как тебе сказать... – произнес старик, немного подумав. – Тебе там и делать, по-моему, нечего.

– Таки нечего! Гляди, какое там мне богатое место брат дает.

– Да ты сам посуди, племянничек, что тебя заставляет ехать туда? Тут ты живешь, слава Тебе Господи, в достатке, сахарный кусок ешь, среди мужиков богатым считаешься, а там что? Соблазн только один, и больше ничего! Ну ладно, место хорошее, доходное, да на это место еще и потрафить надо суметь: не потрафлять хозяину, гляди, и взашей прогонят, ищи опосля этого другого. Брат!

Брат! – передразнил Елизар, – да нетто ему ты будешь служить, а не хозяину, который его же, Матюшку, в прислужающих держит? По-моему, как ты себе хочешь, твое дело, как хочешь, а в Питер ехать я тебе не советовал бы... Здесь ты сам хозяин, и нечего тебе в батраки идти и за богатыми доходами гоняться. Худое хозяйство, да свое!

Бабушка Иринья слушала все это, отирая слезы концом своего платка.

– И последнего сынка взять у меня хотят! – говорила она. – Видно, умереть мне придется одинокой, вас обоих не выдаючи...

– Э, полно, маменька! – успокаивал ее Иван. – Мало ли у нас родителей оставляют и на заработки ездят, почитай чуть ли не половина села.

– Да те волей-неволей поехали, – сказал Елизар, – потому что беднота. А будь у них твои достатки, не выгнать бы их отсюда! Эх, Ваня, брось ты все это!

– Что касается до меня, – заявила Марьюшка, – что хочешь делай со мною, а в Питер я не поеду!

Тем и кончился этот разговор.

Прошло после этого много дней, Иван Дементьев работал без устали и в будни, и в праздники и не переставал помышлять о Петербурге.

Какая громадная разница между селом тем и огромным городом, где ему пришлось пожить с неделю в гостях у брата. Здесь – однообразие, тишина и бабьи сплетни и пересуды, там – кипучая жизнь и движение. Здесь – труд тяжелый от зари до зари, а там – легко и свободно. Он вспомнил про брата, разъявшегося мужика, одетого чисто, по-купечески, почти ничего не делающего и вечно сидящего то в трактире, то в портерной, в то время как за него работали нанятые им подручные. Они подметали улицу, чистили панели, носили охапки дров на шестой этаж, носили в участок паспорта на прописку, а Матвей только и делал, что получал доходы с огромного дома, толстел и жирел...

И такое место вдруг предлагают Ивану! Не безумье ли отказываться от такого счастья?

Подошла осень. Все полевые работы были уже закончены. Марьюшка стала замечать, что ее муженек чаще и чаще заглядывает в трактир, где останавливаются проезжие торговцы и скупщики всего что угодно.

Из них все больше бывалые люди: кто был в Москве, кто в Питере, кто в Одессе или Киеве.

Не прошел еще сентябрь, как Иван снова получил письмо от брата.

В этом письме Матвей задавал прямой вопрос, что называется, ребром, приедет ли Иван в Питер, или нет, иначе он передаст его место другому человеку, который дает двести рублей отступного. Совершенно ни в чем не нуждающийся Иван позавидовал питерскому вольготному житию, особенно наслышавшись рассказов от вышеупомянутых торговцев о том, что там, почти пальцем о палец не ударивши, можно умеючи нажить большие деньги, особенно если человек со смекалкой.

– Непременно поеду! – пришел к окончательному решению Иван и объявил об этом жене. Красивое, покрытое здоровым румянцем лицо молодой женщины стало белее полотенца.

– Неужто поедешь? – спросила она с ужасом.

– Чего ты испугалась! – воскликнул муж. – Чай, в Питере не ведмеди живут, а те же добрые люди.

– Поезжай сам, коли тебе приспичило! – решительно сказала Марья, – а я останусь здесь, при маменьке.

– Врешь, поедешь!

– Что хошь делай со мною, а не поеду. Мало ли людей туда ездят, а жен дома оставляют?

Бабушка Иринья только плакала, чувствуя, что ее уговоры ни к чему не приведут. В особенности восстал против этой поездки дядя Елизар:

– Натолковали тебе, дураку, про Питер этот, а ты и уши развесил! И дернула нелегкая этого Матюшку в соблазн вводить тебя, будто сам и обойтись не может!

– Да он пишет, что там у меня будут такие доходы, что здесь в год не заработаешь того, как там в месяц!

– То-то там богачи есть! – сказал он. – Что неделя, то оттуда их к нам по этапу доставляют... Да, брат, везде хорошо, где нас нет. Ну да шут с тобой, поезжай, только хозяйство на кого оставишь?

– На тебя, дядя Елизар. Возьми на свое попечение, да и матушку мою тоже. По гроб благодарен буду!

– Мне и за своим хозяйством не усмотреть, – упрямылся дядя. – Иринью-то я возьму, а землю с домом кому-нибудь в аренду сдай...

– Отдать-то не шутка, надо на долгое время. А вдруг придется домой вернуться, коли там не повезет?

– Эх, паренек, глупой твой разумок, сидел бы дома да хлеб жевал свой собственный, а не в батраках живучи найденный... Ну ладно, пусть будет по-твоему, поезжай с Богом, а потом авось вспомнишь про меня, старика. Правду, мол, говорил дядя Елизар, да жаль, что вовремя его не послушал.

– Да что это ты все каркаешь, как ворона! – рассердился Иван.

– Тебе же добра желаю. Там ведь кому как повезет. Иной раз богач с сумой уйдет оттуда, а иной бедняк тыщи достанет. Все это зависит от карахтера.

– Как это от карахтера?

– Да так... Плут какой-нибудь, прохвост, совесть от себя утаивши, тот и наживет, грабивши встречного и поперечного... Сказано ведь: от трудов праведных не наживешь домов каменных!

– Значит, по-твоему, и мой брат такой?

– Зачем? Матвея я хорошо знаю, мужик честный и легко, может быть, попал на хорошего хозяина, которому угодить сумел, ну и пошел в гору. Это бывает, но очень редко... Особенно если он ухо остро держит.

– Это насчет хозяина?

– Не хозяина, а насчет людей, с которыми дело имеет. Иной раз так подведут, что и своих не узнаешь.

Слова эти заставили Ивана немного призадуматься; но письмо брата было так убедительно, что он, встряхнув кудрями, сказал:

– Беда не беда, повидался!

И решил ехать.

Сборы были недолги. Быстро распродал еще невымолоченный хлеб, огородный овощ и, оставив Елизару скотину и двух лошадей, пустился в путь искать от счастья счастья.

Сначала мать не хотела благословлять упрямого сына, но потом смиловалась и, рыдая, благословила его и горько плачущую Марьюшку.

Да, горько плакала Марья, оторванная от своего гнезда, где она родилась, выросла и вышла замуж. Кроме того, у нее сжималось сердце от какого-то тяжелого предчувствия. Чуть ли не все жители села провожали отъезжающих. Предварительно был отслужен молебен, причем священник Павел, обратившись к Ивану, сказал:

– Напрасно, Дементьев, напрасно... Все у тебя было ладно, и соседи завидовали... Ну, Бог с тобою. Поезжай. Дай Господь тебе счастья.

«И этот говорит то же самое, что и все», – думал Иван, и тут тоже, как и у жены, сжалось его сердце.

Железнодорожная станция находилась в пяти верстах от села.

И Иван с женою, сопровождаемые Елизаром и некоторыми односельчанами, прибыли туда на нескольких телегах. Все почти были пьяны, не исключая даже самого Ивана.

– Да полно тебе, Марья, чего разгорюнилась, – говорил он жене. – Чай не на похороны едем!

Дядя Елизар поддерживая под руку плачущую бабушку Ирину, говорил ей:

– По-моему, и убиваться по ним не стоит, потому что вряд ли им полюбится питерское житье, вспомнят о деревне и вернутся. Сказано ведь: славны бубны за горами, пока их не видишь, а увидишь или услышишь, совсем иное выходит.

Раздался третий звонок, и пассажиры заняли свои места. Какой-то парень, наигрывая на гармонии, пел:

*Печка топится парами,
А машина – дровами,
Я у миленька рупь взяла,
Села да поехала!*

Поезд стал медленно отходить.

Стоявшие на платформе мужики и бабы кричали:

– Прощайте, прощайте! Возвращайтесь поскорей.

Марьюшка плакала. Она предчувствовала, что никогда уже больше не увидит родных мест.

Глава II

Маленький комедиант

ДОМ, В КОТОРОМ волею судьбы Матвей сделался управляющим (это бывает редко для безграмотного мужика), находился в аристократической части Петербурга и принадлежал одному видному общественному деятелю, Павлу Михайловичу Бухтоярову.

Сперва Матвей, как водится, приехав из деревни, поступил в подручные к своему земляку в этом же доме. Не прошло и года, как он сам сделался старшим дворником, а потом даже управляющим.

Этот молодой и красивый, очень похожий на своего младшего брата Ивана парень оказался очень ловким и сметливым. На него заглядывались молодые горничные и кухарки. Мягкий, вкрадчивый, он так и лез в душу любого человека, кто имел с ним дело. Он мог подладиться к господам, находя различные предлоги, получить с них на чай. Насчет срывки, он был первый мастер на это дело. Ни один легковой извозчик не станет около подъезда дома, не заплатив ему пошрины в виде пяточка.

Старший дворник Петр Никонов, у которого Дементьев служил в подручных, был заурядный человек, служивший хозяину так, как Бог на душу положит...

Дело он свое исправлял добросовестно, пользуясь обычными доходами с квартир, был и этим доволен, за «на чаем» не гонялся, ни перед кем не увивался, никому не кланялся, не обращал как пожилой человек на себя внимания горничных и кухарок, был одинаково со всеми уважителен и держал себя степенно. Извозчики стояли, где им было угодно, никем не гонимые,

и татары свободно входили во двор, крича свое: «Халат, халат!» Вот почему он и недолюбливал своего подручного, видя в нем претендента на свое место.

– Вот что, Матвей, – сказал однажды Никонов, сидя за обедом. – Не пора ли, братец, тебе в деревню? Теперича весна начинается, а брату твоему, Ивану, помощь нужна, одному не управиться ему с хозяйством-то.

– Я не поеду в деревню, – твердо сказал Матвей, смекнув, к чему клонит старший.

– Не поедешь, ладно, дело твое, а я на твое место Митрия поставить хочу.

– Да что вы, Петр Никоныч, за что на меня гневиться изволите? – воскликнул Матвей. – Кажись, я свое дело в исправности веду и ни в чем я не причинен...

– Как ни в чем? Уж я прямо тебе скажу, без запятых, что таких людей страсть терпеть не могу. С горничными да куфарками якшаешься, да мне, впрочем, на это наплевать, а то главное, что зря на меня мораль наводить начал.

– Да что вы, Петр Никоныч, да неужто я...

– Молчи, черт! – рассердился Никоныч. – Савельич зря говорить не будет... На мое место, вишь, захотел, чертова кукла, нет, не с твоим рылом!

Матвей покраснел. Швейцар Савельич действительно утром слышал, как он, подметая парадную лестницу, разговорился с горничной из девятого номера, с курносой Дашуткой.

До слуха его донеслись с третьего этажа следующие слова:

– Коли теперь, Дашенька, вы не хотите обращать на меня вашего благосклонного внимания, то обратите опосля.

– Почему это? – спросила Даша.

– Не скажу куда, – сказал Дементьев, – потому что это секрет!

– Секрет? Вот оно что... Нет, вы мне скажите!

– Ну, могу-с... Если вам, к примеру, сказать, тогда весь дом узнает, и тогда мне плохо придется.

– Ну скажите, – просительно заговорила горничная. – Я никому не скажу, тоже в секрете держать буду.

И она так близко подвинулась к красивому парню, что он обнял ее за талию и коснулся губами ее щеки.

– Не смейте! – сказала она, отклонив свою голову. – Секрета сказать не хочет, а сам целоваться лезет!

«Гм... В этих делах амурных ему здорово везет!» – подумал Савельич, сидя на своем стуле.

– Ну хорошо, скажу, коли вы меня сами поцелуете! – сказал Матвей, вновь привлекая к себе Дашутку.

– Ну ладно.

– Задаточек с вас.

– Ишь, какой хитрый!

– Ну ладно. Так слушайте: старшего нашего скоро побоку.

– Ну!

– Верно вам говорю, Дашенька.

– За что же его отказать хотят?

– Дело хозяйское, ну и подстройка под него есть маленькая, подковырка значит.

– С вашей стороны?

– Что вы! Я не такой человек, чтобы кому неприятное делать, а хозяин заметил, что за стариком блохи водятся.

– Вот оно что. А кого заместо него ставят?

– Меня!

– Вот как! Поздравляю. Тогда вы мне, наверно, браслетку купите?

- Беспременно.
- Прощай, меня зовут! – спохватилась горничная.
- А что вы мне обещали?
- Обещанного три года ждут.
- Хитрая вы! Ну, я тоже не упущу своего!

Раздался звук поцелуя, и швейцар вскочил со своего стула.

- Тут нужно одно из двух: или целоваться, или лестницу подметать! – крикнул он.

Горничная ахнула и юркнула в свою квартиру, а Дементьев с испугом схватился за щетку и принялся за дело.

Этот инцидент был передан Савельичем Никонову, который и решил немедленно избавиться от своего подручного.

На другой день Матвей был уволен.

Кроме полученного жалованья, у него было сбережено немало «чайных» денег, так как он был мужик аккуратный и заправивший. Поселившись неподалеку, Матвей ловко повел интригу против Петра Никонова, в чем много способствовали бегавшие к нему влюбленные горничные. На бедного Никонова посыпались разные неприятности и подвохи. Наконец все это надоело ему, и старик, плюнув на все, взял у домовладельца расчет и перешел на другое, заранее рекомендованное ему место.

Понадобился новый старший дворник, о чем Дементьев прекрасно знал. На следующее утро по уходе Никонова Матвей пошел поджидать выхода барина, который аккуратно в десять часов выходил на службу.

- Ну что, как? – спросил его Савельич.
- Какие наши дела, знамо, не важные, – ответил Матвей.
- Никак пришел на место проситься?
- Отчего бы и не так. Кажись, у меня было все в опрятности.

Швейцар ехидно усмехнулся.

- Еще бы! – сказал он. – Всем угодил: и Дашенькам, и Машенькам, и Дунечкам.

Дементьев тоже усмехнулся.

- На этот счет охулки на руку не положим, – ответил он.

- Ну ладно, ступай, нам не жалко.

Павел Михайлович Бухтояров, держа под мышкой портфель, медленно сходил по ступеням лестницы. Пока швейцар отворял ему дверь, Дементьев, чтобы угодить домовладельцу, бросился нанимать извозчика.

– Не оставьте, ваше скородие, вашею милостью! – сказал он, сняв шапку и низко кланяясь.

- А отчего тебя отказал Никонов? – спросил барин.

Матвей слегка смешался от этого неожиданного вопроса.

– Видит Бог и добрые люди, – сказал он, – что я честно и исправно исполнял свои обязанности, все мною довольны были. А отказал это он меня сам не знает за что, – управлюсь, говорит.

- Ну ладно, иди и скажи управляющему, что я тебя принимаю в старшие дворники.

Хозяин уехал, а Матвей, не чувствуя под собой ног, бросился чуть не бегом в контору.

Управляющий был там и, увидя входившего Дементьева, хмуро и сердито взглянул на него.

В душе он терпеть не мог этого балованного красавца, отлично понимая, из-за чего Никонов, человек вообще хороший и строго честный, должен был покинуть свое место.

- Здравия желаем, Павел Иванович, – кланялся Матвей, стоя у порога конторы.

- Что тебе? – слышался суровый вопрос.

- К вашей милости объявиться.

– Как это объявиться?
– Барин определили меня к себе старшим дворником и приказали объявиться.
– Гм... старшим! Я тут, братец, ничего не знаю, сам мне ничего не говорил.
– Это верно-с... Извольте спросить у свицара.
– Ладно! Приходи после четырех часов, когда сам обедать будет.
– Слушаю-с.
– Упросился, сволочь этакая, – проворчал управляющий, после того, когда новоиспеченный «старший» вышел из конторы. – Ну ладно, не долго тут поцарствуешь!

Он и предполагать не мог, что долго или коротко, но Дементьев сживет его самого.

Прошло после этого года полтора.

В продолжение этого времени «маленький комендант», как шутя называли жильцы этого дома Дементьева, повел дело на чистоту. Повсюду: на дворе, на лестницах, на чердаке и везде, куда мог проникнуть хозяйский глаз, царила образцовая чистота и порядок. Управляющий Бухтоярова совал свой нос повсюду, чтобы привязаться за что-нибудь к ненавистному дворнику, но ничего такого не находил. Дементьев был вполне безупречен. Но зато не легко было его подручным. Сам он почти ничего не делал, и вся забота его состояла в том, чтобы исправно получать с квартир доходы и изобретать средство для получения «на чай», беззастенчиво облагая этим налогом извозчиков, татар, тряпичников, зеленщиков, мясников и чуть ли не кошек и собак. Подручным (их было трое) платил он мало, но работать заставлял много, почему они подолгу у него не заживались, так как это были большею частью люди без места и рады были работать из-за куска хлеба, пока не отыщется какое-нибудь дело.

Павел Михайлович был им очень доволен и в конце концов пришел к такому заключению, что управляющий ему почти и не нужен, так как Матвей Дементьев сам может вести новые книги, если выпишет из деревни своего брата, хорошо грамотного человека.

Оно так и случилось. Вкравшись в доверие хозяина, хитрый и пронырливый мужик, который давно вырабатывал план постепенного его ограбления, справедливо рассудил, что один в поле не воин, то есть грабить без помощников несподручно, а найти по подобным делам товарища сложно да и опасно, а чего лучше кого-нибудь из своих. И выбор пал на Ивана.

Тут только он одного не сообразил! Иван и он, Матвей, были совершенно разные люди, несмотря на наружное сходство. Матвей был естественный плут и чисто иезуитского характера, между тем Иван был безупречной честности.

Глава III Таинственный жилец

МИНОВАВ СТАНЦИЮ КОАПИНО, поезд начал подходить к Петербургу. Марьюшка, давно уже переставшая плакать, не отрывала глаз от окна, мимо которого то и дело мелькали стоявшие на пути запасные вагоны, маневрирующие поезда, всевозможные постройки, а вдали уже был виден огромный город с дымящимися заводскими и фабричными трубами.

– Это и есть Питер? – спросила она.

– Да, это Питер, – ответил муж.

Она припомнила провинциальные города, красиво раскинувшиеся по берегам рек, белея своими зданиями и сверкая на солнце куполами и крестами своих церквей. Но тут перед ее глазами было что-то такое громадное, мрачное, тонущее в сером тумане.

– Какой он некрасивый, – сказала она.

– Это только отсюда так кажется, – сказал Иван. – А внутри он красивей даже Москвы. Один только Невский проспект, по которому мы поедем, чего стоит. Дома все агромадные, взглянуть – шапка валится, рек сколько, страсть, и все широкие!

– А как мы там найдем Матвея?

– Я ему посылал телеграмму еще из Москвы, пущай идет встречать. Наверно, сам встречать будет.

Поезд начал уменьшать ход. Пассажиры поднялись с мест и схватились за свои узлы и чемоданы. Вот показалась и платформа, на которой толпилась ожидающая публика.

– Вон брат Матвей! – сказал Иван, показывая на солидную фигуру, напоминающую если не купца, то зажиточного торговца. – Ишь как раздобрел, его и не узнать.

– Да он ли это, Ваня? Больно уж на господина смахивает.

– Еще бы и не смахивать, коли этакое место занимает. Погоди, и нас, серых, пообтешет, и мы такие будем.

Поезд остановился, и все начали выходить из вагона.

Матвей шел навстречу брату и его жене с расprostертыми объятьями.

Оба они были поразительно похожи друг на друга, отличаясь только свойствами одежды, так как Матвей был одет богато, сообразно званию управляющего, между тем как Иван был одет просто, по-деревенски, хотя и прилично.

– Однако же и женка у тебя, – сказал Матвей, не бывший на свадьбе брата, – писаная красавица.

Марьюшка густо покраснела. Она в первый раз слышала похвалу своей красоте. Там, в Подозерье, после выхода ее замуж на нее мало кто обращал внимание.

– Для вас и квартиру я подобрал хорошую, две комнаты и кухня, вам обоим ладно будет.

– Спасибо, братец Матвей, куда нам такая большая! Нам и в уголку и то ладно было бы.

– Зачем? Дом ведь у нас большой, квартир не перечесть, хватит и вам. Ну, идемте.

Около вокзала их ожидало хозяйское ландо с кучером Евстигнеем.

– Ну, садитесь! – сказал Матвей, указывая на экипаж. – Барин наш добрый и вот чем сподобил...

– На таких мы отродясь не езживали, – сказал Иван. – Ишь тут как просторно! Садись, жена.

Все трое уселись, и ландо, шурша резиновыми шинами, покатилося вдоль Невского проспекта.

– Коли ты так поведешь дело, как я, то годика через три мы и не в таких ландах ездить будем, – говорил Матвей. – Только делай все по-моему. Ты, кажется, прежде выпивать был мастер?

– Да, но этого мастерства я и посейчас не оставляю, – сознался Иван.

– Напрасно. У нас надо держать себя в струне. Оно действительно, отчего же и не выпить, выпиваю и я, но только чувства не терять и чтоб ни в одном глазе. Тут тебя в кажинную минуту хозяин может потребовать днем и особенно ночью, когда господа из тиятера приезжают. Вот тут и напейся как следует. В праздники-то еще туда-сюда, можно еще, потому что сами хозяева понимают, что мы все одинаково грешны.

– Значит, у вас будет очень трудно?

– Да, нелегко, зато прибыльно. Впрочем, я сам приучу тебя как действовать, а будешь меня слушать, и все пойдет как по маслу. Вот и Большая Морская, сейчас мы будем дома.

Матвей, предполагая видеть в брате деятельного помощника в своих замыслах, решил подкупить его своей заботой о нем и вниманием, поэтому небольшая квартира, предназначенная для мужа и жены, была обставлена совсем не по-крестьянски. Вообще в ней было чрезвычайно просто и уютно, что понравилось Марьюшке.

– А и хорошо же здесь! – сказала она.

– Вот ваша спальня, – указывал Матвей на комнаты. – А тут приемная, где людей будет принимать можно, особенно по делам. Младшие дворники в особой комнатке живут. Их двое. Ну, хозяйюшка, распоряжайтесь в своем новом хозяйстве. Вот вам самоварчик, посуда разная... С собою вы не привезли?

Марьюшка что-то вспомнила, ужаснулась и руками даже взмахнула.

– Ах! Беда ведь у нас! – воскликнула она.

– Что такое? – озабоченно спросил Иван.

– А вещи наши в особенный вагон были отправлены! Мы-то об них и забыли.

– Багаж ваш в целости, была бы хфитанция в порядке, а завтра вы можете получить, только малость за полежалое заплотите, – успокоил ее Матвей.

Приехали с вокзала в девять часов утра, и до приезда хозяина со службы управляющий ознакомил нового дворника с квартирохозяевами.

– Вот наш новый дворник, – рекомендовал Матвей своего брата, очень довольный тем, что производил повсюду эффект.

Действительно все обитатели и обитательницы квартир тарашили глаза от удивления, видя замечательное сходство между управляющим и дворником. Оба одинаково одетые – в пиджаках, в блестящих сапогах, красивые, с темно-русыми вьющимися волосами, короткими бородами, со свежими здоровыми лицами, одинаково высокие и плечистые производили эффект довольно приятный.

– Теперь положительно можно запутаться, – сказала жена Павла Михайловича, когда оба явились к ней первой, как к супруге домовладельца. – И не разберешь, который из вас Матвей и который...

– Иван, – дополнил Матвей. – Но, сударыня, промеж нас есть и большая разница.

– Какая?

– Такая-с: брат Иван женат, а я холост.

– А, в этом-то! – улыбнулась хозяйка. – Говорят, Иван, и жена у тебя красавица, вот я не видала ее еще. Пришли ее к нам, может быть, и для нее у нас найдется дело.

– Благодарим покорно, – поклонился Иван, они хотели было уйти, но хозяйка остановила их.

– Погодите! – сказала она. – Ты, Матвей, знаешь, кто живет в тридцать шестом номере?

– Прописался купеческим сыном Григорьем Михайловым Ковалевым.

– Он не говорил, чем занимается?

– Сказал, что адвокатскими делами. Прошения пишет, по судам ходит.

– Больше ничего?

– Кто его знает, сударыня, ночь дома не бывает, приходит под утро, спит до первого часу, потом уходит и возвращается утром.

– Это странно... Какая же адвокатура по ночам... Вы оба последите за ним хорошенько. Платит за квартиру исправно?

– Постоянно вперед, сударыня, копеечка в копеечку.

– Странно... – повторила хозяйка. – Живет совершенно один, никто к нему не ходит, занимает большую квартиру, прислуги никакой не держит, по ночам работает, и если он там что делает, Бог его знает, днем спит. И рожа-то у него какая-то подозрительная. Уж не попросить ли его выехать, что ли?

– Без причины будто неудобно, – сказал Матвей.

– Причина всегда может найтись. Допустим, что квартира нам самим нужна для чего-нибудь, отдать ему неустойку, и Бог с ним, пускай переезжает. Да не мешает посмотреть, нет ли у него какого-нибудь склада возмутительной пропаганды или чего-нибудь такого противозаконного. На всякий случай, не мешает заявить полиции.

– Слушаюсь.

– Теперь можете идти... Как тебя зовут, Иван, что ли?

– Так точно.

– Скажи твоей жене, пусть зайдет.

– Покорно благодарим.

– Жильца-то надо теперь навестить, он дрыхнет еще, – сказал Матвей, взглянув на часы после того, как они покинули хозяйскую квартиру. – Странно, что живет совсем один и никого к себе не пускает.

– Пожалуй, и нас не пустит, – сказал Иван.

– Нас не пустить не имеет права. А если не пустит, то мы сейчас и в участок заявим, что он за личность такая!

– Но ведь он прописан и личность свою предъявил.

– Эх, брат, не знаешь ты здешнего питерского народа! Шалыган какой-нибудь али там мазурик какой прописывается сразу на нескольких квартирах; в одной он Иван Иванович, чиновник, в другой Сидор Поликарпов, потому что у него не один пачпорт, а несколько. Вот ты тут и учти. Вот и тридцать шестой номер. Заперто изнутри, значит, спит еще. Теперь половина первого, – взглянув на часы, произнес Матвей и дернул за рукоятку звонка.

За дверями послышался кашель и затем шлепанье туфель.

– Кто там? – послышался грубый голос.

– Это я-с, управляющий!

– Сейчас.

Отворил дверь высокий человек, средних лет, одетый в халат и туфли на босу ногу. Он посмотрел мрачно, несмотря на то что ничего уродливого в его лице не было.

Он посторонился, чтобы дать дорогу пришедшим, и затем затворил дверь, глядя с недоумением на этих двух похожих друг на друга людей. Они пошли в небольшую кухню, в которой топилась плита и на ней кипело что-то в небольшом котелке. У окна был обыкновенный кухонный стол и около него две табуретки, на столе находились чайник и стакан с только что налитым горячим чаем. Тут же лежали намашенная чухонским маслом булка, само масло, свернутое в бумаге, недопитая сороковка и большая рюмка, два яйца и с фунт колбасы.

– Позвольте вам представить нового дворника, – сказал Матвей, кивая головой на брата.

– А... новый дворник, – произнес Ковалев, смотря то на одного, то на другого. – Это интересно!

– Чем интересно, позвольте спросить?

– Такое сходство, черт возьми. Редко бывают такие случаи, чтобы дворник так походил на управляющего.

– Мы родные братья, – сказал Матвей.

– А, братья! Но и родные братья не всегда ходят друг на друга... Наверно, и водку пьете совершенно одинаково?

Братья с улыбкой переглянулись между собой.

– Я вас понял! – воскликнул Ковалев, не дожидаясь ответа. – Садитесь и хватим по такому случаю по единой. Что вы смотрите на бутылку, думаете, не хватит, найдется еще! Садитесь, пожалуйста, не церемоньтесь...

Ковалев почти что насильно посадил их на обе табуретки и сам почти выбежал из кухни.

– Удобно ли это будет? – спросил тихо Иван.

– Что ж из этого? По крайности, мы кое-что и расспросим у него, – еще тише ответил Матвей. – Видишь, он малость выпивши, а такие люди больше откровенны.

Ковалев вновь появился, волоча за собою стул и держа под мышкой большой бумажный сверток, а в руке – полбутылки.

– Вы уж меня извините, – сказал он. – Я человек одинокий, бабы у меня не водятся, потому что варить для меня или там стряпать некому. Чем богат, тем и рад...

Он сел на стул и начал разворачивать сверток.

– Да, однем вам плохо, – согласился Матвей. – И даже квартиру держать одному невыгодно, вот комнату бы...

– А почему вы знаете, что мне нужна одна только комната?

– Опять-таки из одиночества, а в комнате, глядишь, и хозяйка бы посмотрела за вами, приготовила бы кушанье, чаю заварила бы.

– Да, это недурно для кого-нибудь другого, только не для меня, но какая хорошая хозяйка ни будь, все-таки мешала бы мне во всем, совавши свой нос не в свое дело, ну хотя бы под видом участия к моей особе.

А вообще, как это ни странно вам покажется, люблю быть совершенно один. Если я живу не где-нибудь в лесу или в пустыне, то только из-за того, что там нельзя достать ни водочки, ни такого вкусного каплуна, как вот этот... Шутка ли сказать, цена ему три рубля! – Он торжественно показал вынутого из свертка каплуна. Затем полез в стол, вынул тарелки и еще две рюмки.

– Видите, какая благодать одному-три! Ну-с, приступим.

Ковалев налил три рюмки, и все трое выпили.

– Благодарим покорно! – сказал Матвей, вставая. За ним последовал брат.

– Да что вы, еще по рюмочке.

– Спасибо. Быть может, дровец не прикажете ли?

– Нет, не надо, – сухо ответил Ковалев.

– Тогда прощения просим!

«Начальство» ушло. Ковалев бросился запирать двери.

Глава IV

Он не один!

КОВАЛЕВ, ЗАПЕРЕВ ПЛОТНО на крючок двери, постоял несколько минут, прислушиваясь до тех пор, пока совершенно не смолкли шаги уходящих.

– Ушли? – слышался позади его голос.

– Ушли, – ответил Ковалев, оборачиваясь.

Перед ним стоял среднего роста человек с насмешливым выражением лица.

Это был молодой человек лет около двадцати пяти. Он был довольно красив, только на лице его было заметно утомление от пережитой дурной жизни.

О, если бы кто-нибудь узнал про него, кто он такой, тогда, наверное, весь дом Бухтояровых был бы оцеплен жандармами и полицейскими.

Да, это был разбойник Ланцов, но не тот, который был за полсотни лет раньше его, про которого сложилась народная песня:

*Звенит звонок ночной, собирайся,
Ланцов задумал убежать,
Не стал зари он дожидаться,
Поспешно печку стал ломать.
Сломал ее он и без сору
И по трубе взбираться стал,
Через трубу он тут пробрался,
Он через церковь на чердак,
По чердаку он долго шлялся —
Себе веревку он искал.
Вот по трубе он стал спускаться,
Солдат увидел, выстрел дал.
В казармах сделалась тревога,
Завыл в гупвахте барабан,
По всем частям было известно —
Ланцов из замка убежал!
Казак на серенькой лошадке
С конвертом к князю поскакал.
«Здорово, князь, уведомляю:
Ланцов из замка убежал».
Бежал Петровскими парками,
Потом свернул в дремучий лес,
Три года он на воле шлялся,
Все пил и ел, чего хотел,
С какой-то девушкой связался,
Л та возьми и докажи...
«Но не долги мои сроки,
Когда из каторги приду,
И за жестокую измену
Тебе я страшно отомщу!»*

Так сложена народная песня, которую, впрочем, поет не столько сам народ, сколько отщепенцы от этого народа, тюремные арестанты или бродяги, для которых этот Ланцов служит образцом героизма, но по-нашему эта песня скорее доказывает всю ненадежную бдительность тогдашней тюремной администрации и устройство дымовых труб, через которые свободно мог пролезать если не кто-нибудь из тюремного начальства, народ довольно жирный и толстомясый, то сухой, как скелет, арестант, кормленный настолько, чтобы не подохнуть с голоду.

Представший перед Ковалевым субъект тоже назвался Ланцовым и был под этим именем известен всем ворами и мошенникам, а его настоящее имя – Кузьма Прохоров – почти не было известно никому, кроме судебной администрации.

Оба вошли в кухню и уселись за стол, причем Ланцов на таком приличном расстоянии от окна, чтобы не быть замеченным со двора.

– Кого это он, управляющий этот самый, тебе рекомендовал? – спросил Кузьма.

– Своего брата. Но представить себе не можешь, какое между ними поразительное сходство! Тебе говорю! Если бы я был похож на тебя... Тьфу! Не приведи Бог.

– Походить на управляющего?

– Нет, на тебя. Бр-р-р...

Ланцов даже не поморщился. Он вынул из стола чайный стакан, налил его водкой.

– Ты на этот раз прав, – сказал он. – Приятно ли мне, в самом деле, при твоём переезде сюда быть запертым в платяной шкаф и трястись на ломовой телеге, а потом быть заключённым в этой комнате без права показать нос на улицу?

– Но что же делать, нужно терпеть до поры до времени. Сам ты знаешь, что после твоего последнего фокуса вся полиция поднята теперь на ноги. Единственное спасение твоё здесь.

– Да, пожалуй, теперь эта канитель долго протянется.

– Сколько ни сколько, а все месяц пройдет. Знаешь, что мне думается, не подозревают ли меня в чём-нибудь?

– Почему ты так думаешь? – спросил Ланцов.

– Во-первых, здешняя домовая хозяйка что-то подозрительно поглядывает на мои окна и даже указала своему мужу, а во-вторых, сейчас этот управляющий, разговаривая со мной, вел себя тоже как-то, знаешь... Понять не могу, сначала разговаривал ничего себе, а потом вдруг сразу изменил тон, сухо как-то поблагодарил и сразу вышел. В общем, нужно теперь быть крайне осторожным.

– А о чём он с тобой говорил?

– Ему показалось странным, почему я, будучи один, нанимаю квартиру, а не комнату, веду ночную жизнь и так далее.

– По-моему, это верно, – сказал Ланцов. – Тебе необходимо сейчас же изменить образ жизни.

– Что же мне нужно делать?

– Распространи завтра же слух, что к тебе едет из провинции твой брат с женой и жениным братом. Роль последнего буду исполнять я.

Ковалев задумался.

– Да, – сказал он, – присутствие женщины украшает, так сказать, квартиру и придает всему этакий вид порядочности... Только вот вопрос, где я сейчас достану брата и его жену?

– А вот мы сейчас все это и сообразим, – сказал Ланцов и ближе подвинулся к Ковалеву.

Глава V

Новая жизнь

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ БУХТОЯРОВ был очень доволен своим дворником.

Были довольны им и оба подручные, Фома и Прохор, замученные управляющим донельзя и получающие грошовое содержание и скверную пищу.

Не прошло еще месяца, как Иван Дементьев и Марьюшка вполне освоились с новой жизнью.

Прежде этого Матвей сам ничего не делал лично и, возложив все дело относительно чистоты в доме на спины своих помощников, вел интриги с горничными, между тем как его брат, наоборот, трудился сам, по деревенской привычке, не покладая рук, почему его подручные сразу получили большое облегчение.

Повсюду был он с раннего утра, сам скреб панели, посыпал их песком, сгребал в кучи снег, подметал двор, черную и парадную лестницы, между тем как два его помощника таскали по квартирам дрова для жильцов.

К девяти часам утра все уже было в образцовом порядке, и Иван садился вместе со своими помощниками завтракать.

Прежде такого порядка не было. Бывало, Фома и Прохор, наработавшись вдоволь, целый час должны были ожидать, когда старшой Матвей обратит на них свое милостивое внимание и даст каждому по гривеннику¹. На эти деньги подручные шли в чайную, пили чай и закусы-

¹ Гривенник – 10 копеек.

вали, а затем вновь принимались за тяжелую работу до полудня, после чего, получив вновь по гривеннику, шли обедать впроголодь. Но при Иване пошли новые порядки.

Пока все трое работали, Марьюшка, по деревенскому обычаю, раньше всех принималась ставить самовар и готовить легкую закуску.

Выпив чаю и закусив, все трое дружно принимались за дело до девяти часов утра, после чего садились за приготовленный Марией завтрак. В двенадцать часов дня все садились за обед, предварительно выпив по стакану водки. И все это делал Иван без малейшего вычета, и по истечении месяца Фома и Прохор получили свое жалованье сполна, копейка в копейку, чем, понятно, они были очень довольны.

– Балуешь их зря! – говорил он, кивая на младших дворников. – Откармливаешь как боровов, вишь, какие рожи у них?

– Хлеба-соли нам не жалко, – возражал на это Иван. – А покормишь человека – он лучше и работает, а отощалому и метлы не поднять.

– А сколько ты с них высчитываешь за обеды эти, завтраки и ужины?

Матвей только пожал плечами.

– Глупость все это, – сказал он. – У меня они получали по семи гривен на своих харчах, а у тебя звона как: разносолы разные для них, чаи и кофеи выдумал. Ты только одно сочти, во что это тебе вскочило за месяц-то?

– У нас хватит, – усмехнулся Иван. – Больше ста Рублев чистоганчиком. Один барин сверх жалованья красненькую прибавил. Да ты сам посуди, проиграл ли я в том, что их на своих харчах держу и жалованья не убавляю? Наоборот, они сделались усердны в деле!..

– Ну да шут с тобой, делай как знаешь, – сказал сердито Матвей, уходя в свою контору.

Он теперь чувствовал, что все его планы относительно ограбления хозяина с помощью своего брата постепенно разбивались о несокрушимую честность брата.

В течение месяца он не раз в виде шутки заговаривал с ним о возможности хорошенько погреть руки около хозяина, но Иван не допускал в этом отношении даже шутки.

– Да если бы нашлась подобная сволочь, – говорил он, сжимая свой огромный кулак, – то я бы ему все рыло разбил.

При этом Матвей заметил, что все симпатии хозяев и жильцов перешли на сторону Ивана, который держал себя скромно и с достоинством, ни перед кем не юлил и не заискивал, по возможности никого ни в чем не стеснял. Извозчики спокойно стояли на своих местах, а когда кто-нибудь из них по заведенному Матвеем обычаю протягивал ему пятак пошлины за право стоянки, то Иван в недоумении спрашивал:

– Это за что?

– Да так, может, вам на табачок понадобится.

– На табак и коли понадобится – сами купим, а тебе на стаканчик нужней будет.

Старик-швейцар Савельич был от Ивана в положительном восторге.

Савельич был любитель политики и потому каждый день не пропускал ни одной газеты. Получив утром от почтальона газеты, которые он должен раздавать по квартирам, он непременно покупал от себя «Голос», «Новое время» или другие, серьезного содержания.

Ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями, но кроме соседнего швейцара, положительно, не с кем было.

Вечно занятый своими расчетами, Матвей решительно ничем не интересовался, и с ним говорить было не о чем. Иван, наоборот, был страстный любитель чтения и интересовался всем, что делалось на свете. Разговаривая с Савельичем, он обнаружил здравые понятия, и потому свободное время они проводили в рассуждениях и спорах.

Чрезвычайно красивая, особенно когда ее научили одеваться прилично, Марьюшка очаровала всех своей приветливостью и душевной простотой. Бедные жильцы дома, с которыми

Матвей обходился крайне неприветливо (он только ласков был с богатыми), видели в ней свою заступницу.

– Ах, Марья Васильевна! – кланялась ей такая жилица. – К вам я пришла, будьте такая добренька!..

– Опять за квартиру? – догадывалась Марья.

– Уж простите, надоедаю вам, не откажите ради Христа! Управляющий непременно требует, чтобы заплатили мы завтра, а муж получает жалованье двадцатого, а сегодня только первое.

– И он не может подождать до двадцатого?

– Ни за что! Дня три даст сроку, да и то ругается: «Голь! – кричит, бывало, – шантрапа такая!», на всякие манеры облает.

– Да, это нехорошо. Вы двадцатого отдадите?

– Да что вы, Господи Боже мой! Неужто мы с мужем станем злоупотреблять вашей добротой?

– Хорошо, я вам дам, но только не говорите никому.

И действительно, занятые таким образом деньги с благодарностью возвращались обратно, к величайшему неудовольствию Матвея, который не любил, чтобы баловали всякую бедноту, к которой он относился презрительно.

Чем дальше шло время, тем больше чувствовал Матвей, что планы его постепенно разрушаются. Не этого ждал он, вызывая из деревни брата. Он хорошо знал про честность Ивана, но все-таки думал, что он не устоит против искушения сделаться богачом. Но после сделанных опытов в виде, как было говорено выше, осторожных подходцев, он увидел, что брат, будучи очень доволен и тем, что у него есть, не решится ни на какую подлость.

А тут еще и быстро растущая популярность Ивана и его жены поставила сперва его в тупик, а потом возбудила в нем серьезные опасения: вышло так, что Иван как бы заслонял собой старшего брата, о котором все теперь забыли и думать. И Матвей не на шутку задумался. Первою его мыслью было выжить Ивана из дому, но как это было сделать? К чему привязаться? И он, наконец, решил испытать почву.

ВСКОРЕ ПРЕДСТАВИЛСЯ ТОМУ подходящий случай.

С чердака пропало чье-то белье. Владелица этого белья была прачка, которая, разумеется, подняла крик.

– На что это похоже?! – жаловалась она управляющему. – В доме целых три дворника, а с чердаков воруют!

– Этого еще не хватало! – воскликнул Матвей, в душе сильно довольный этим случаем. – Позови Ивана, я с ним поговорю.

Такая вещь, как кража белья с чердаков, случается нередко во многих домах любого большого города, и все дело тем и ограничивается, что составить протокол, потом начнут искать вора, который в большинстве случаев оказывается тут же, дома, а что касается до дворников или других лиц, которым вверено наблюдение за домом, то они за это не отвечают.

Но Матвей, в последнее время сильно возненавидевший брата, решил воспользоваться этим случаем, чтобы сжить его с места. В контору явился Иван в сопровождении плачущей прачки.

– Это что у тебя происходит, а?! – набросился на него управляющий.

– Вот сейчас узнал, что у нее белье украли, – сказал Иван и по привычке хотел сесть на стул, но брат остановил его.

– Раз я перед тобою управляющий, а ты дворник, то ты должен стоять вон там, у порога, и отвечать на то, что у тебя спрашиваю! – оборвал его Матвей.

Иван, недоумевая, взглянул на него, но потом вдруг рассердился:

– Это что еще за генерал такой! – воскликнул он. – С какой я радости должен стоять перед тобой?

– С той, что во время службы нет братьев, и каждый перед начальством должен помнить свою обязанность!

– Только не перед тобой, а перед хозяином! А для меня ты вот что, и больше ничего.

Иван плюнул на пол и растер сапогом и затем, обратясь к прачке, сказал:

– Идем со мною, сейчас мы разберемся.

– Нет, стой! – крикнул взбешенный Матвей. – Ты должен мне сказать, почему в нашем доме произошла кража, и чего вы втроем глядели?

– Ответ на это я дам хозяину, а не вашему превосходительству, – отвечал Иван и затем, надев фуражку, сделал под козырек и вышел из конторы.

– Хорошо! – крикнул ему вслед Матвей. – Я тебя, голубчик, доконаю, будешь ты у меня знать!

И, быстро собрав какие-то бумаги и счета, управляющий побежал к домовладельцу, который в это время был дома.

Павел Михайлович пил утренний кофе, когда горничная доложила ему, что его на кухне ждет управляющий.

– Позови его сюда, – сказал хозяин.

Вошел Матвей и, поклонившись, почтительно стал у двери.

– Что нового? – спросил Павел Михайлович.

– В вашем доме кража случилась.

– Кража? Где?

– На чердаке во втором флигеле белье пропало у прачки Матрены Федотовой из 136-го номера.

Сидевшая тут же за столом жена Бухтоярова, Екатерина Семеновна, только руками всплеснула.

– Ну скажите пожалуйста, – воскликнула она. – Пропать из запертого чердака белью, как это могло случиться?

– Я об этом спрашивал старшего дворника Ивана, – ответил Матвей. – Но он мне столько дерзостей наговорил, что я не знал, что и делать, норовил даже ударить.

– Да что ты! – воскликнул Павел Михайлович.

– Так точно, словно он взбеленился, а на что, не могу знать.

– Наверно, ты чем-нибудь его оскорбил, – сказала Екатерина Семеновна. – Иначе человек зря не набросится.

– Хорошо, иди в контору и позови туда Ивана и эту прачку, – сказал хозяин. – Я сейчас приду.

Матвей ушел.

– Я уже давно замечала, что этот Матвей косится на брата, – сказала Екатерина Семеновна. – А третьего дня я застала Марию в слезах.

– С чего же это?

– Я спрашивала, да она не хотела говорить. Отговаривается только тем, что будто по деревне скучает. Но я не верю этому.

– Очень просто, что и скучает, – согласился муж.

– А со стороны я потом узнала, что не тоска по родине, а просто-напросто что Матвей очень недоволен ими обоими, ну и привязывается.

– И с чего бы это так?

– Я и сама не знаю, как это объяснить, но вижу, что между братьями давно уже пробежала черная кошка! После этого мне думается, что и эта кража белья не проделка ли самого Матвея?

– Подобный случай у нас еще в первый раз, – сказал Павел Михайлович, вставая из-за стола.

– И это имей в виду, Павел! С тех пор, как поступил к нам этот Иван, бдительность дворников усилилась, и даже он сам по ночам дежурит, и потому никак не могу понять, как воры могут, особенно ночью, пронести краденое.

– А вот мы посмотрим, – сказал Павел Михайлович и, накинув на себя пальто, пошел в контору.

Там были кроме Матвея и Ивана еще две женщины, и между ними происходил громкий спор.

Увидав входившего хозяина, все замолчали.

– Что тут у вас такое случилось? – обратился к Ивану домовладелец.

Иван хотел что-то сказать, но прачка, выступив вперед, заговорила:

– Батюшка, Пал Михалыч! У меня с чердака белье пропало, четыре простыни, шесть наволочек, сорочки и носки.

– Когда ты их повесила?

– Вчера вечером, а наутро не оказалось.

– Кроме твоего было ли еще белье?

– На том чердаке было, – отозвались две женщины, – но оно не тронута...

– Странно, – сказал хозяин и искоса взглянул на Матвея. – Странно, говорю, что вору, который действовал впотьмах, понадобилось именно твое белье. Ведь вот он мог бы захватить и ихнее, но этого не случилось... После того как ты вешала, ты заперла на замок чердак, разумеется?

– Да, заперла.

– У кого был ключ?

– Вон у них... – указала прачка на Матвея.

– Значит, у тебя был ключ? – обратился хозяин к Матвею.

– Так точно, но я передал его старшему дворнику.

И он кивнул головою на Ивана.

– Ключ и посейчас у меня, – сказал Иван, – и только я одному дивлюсь, почему, ходивши на чердак, у меня его не спросили?

И, вынув из кармана ключ, он показал его хозяину и продолжал:

– Вчера вечером я ходил на чердак и видел, что замок висит. Выходит, значит, замок сломан!

– Да-да, был сломан, – отозвалась прачка.

– Тогда пойдемте на чердак! – сказал хозяин.

Глава VI «Союзник»

– ВОТ ЧТО, МАТРЕНА, – обратился Иван к прачке. – При хозяине я тебя спрашиваю: когда ты входила на чердак, замка не было?

– Не было.

– В таком случае ты не должна была входить туда, а заявить мне или вот этому... управляющему. Почему ты не заявила?

– Да где ж тут заявлять, когда увидела, что белья нет. Я так испугалась, что страсти.

В эту минуту одна из женщин, сердито взглянув на Матрену, сказала:

– А позволь тебя спросить, какая была метка на том белье?

– А тебе какое дело? – огрызнулась Матрена.

– А, не хочешь говорить! – воскликнула женщина. – А я знаю: две буквы – А и К с вензелем под княжеской короной! Вот, батюшка-барин Павел Михайлович, мы и пришли затем, чтобы вывести все на чистую воду. – И она бросила взгляд на управляющего, который густо покраснел.

– Ну говори! – сказал хозяин, предчувствуя что-то особенное. – А вы молчите, – прибавил он, видя, что Матвей и прачка хотят что-то сказать.

– Мой муж и я давно знаем, что господин управляющий недолюбливает своего брата, – начала женщина. – И прямо скажу, подчас и следила за ним. Да что тут долго говорить, под дядю Ивана подвох подведен.

– Ах ты кошелка этакая, как ты смеешь так говорить! – не утерпела Матрена.

– Так и смею, потому, значит, следует позвать городского и отправить вас обоих в часть!.. Пойдем, барин, только не на чердак, а в дровяной сарай, в который и положено белье с такими буквами. В том сарае и вещи Марии Васильевны стоят.

– А это интересно, – сказал Павел Михайлович. – Пойдемте.

Дело оказалось довольно грязеньким.

Вышло так, что Матрена по наущению управляющего и даже с его помощью взломала замок на чердаке, после чего все Матренино белье было перенесено в вышеупомянутый сарай, где хранились вещи Ивана и его жены. Поступая таким образом, Матвей думал уличить брата в краже, за что и был бы он отказан от места.

Но эта комбинация им не удалась, так как за ними неусыпно следили.

Понятно, тут произошла целая история. Оскорбленный Иван прямо отказался от места, Марья сильно плакала.

– Чего такого, а этого я не ожидал от тебя! – говорил бледный от гнева хозяин, обращаясь к Матвею. – Потрудись сдать мне все, что следует, и можешь отправляться, куда тебе угодно.

А тут еще при проверке приходно-расходных книг оказалось немало неточностей и путаницы и много не хватало полученных за квартиры денег.

Одним словом, начатая было Матвеем система расхищения хозяйского добра была предотвращена вовремя.

На другой день Матвей, не простившись даже с братом и его женой, куда-то уехал.

В это же утро Иван явился к хозяину.

На кухне его встретила Екатерина Семеновна.

– Что тебе, Иван? – спросила она.

– В деревню надо бы ехать, – сказал он, кланяясь.

– В деревню? – воскликнула барыня. – Да в уме ты, что ли? Без дворника ты нас хочешь оставить?

– Кто это? Иван? – откликнулся из внутренних комнат Павел Михайлович.

– Так точно!

– Он пришел просить расчета, – сказала Екатерина Семеновна входившему на кухню мужу.

– Зачем тебе расчет, разве гонят? – набросился он на Ивана.

– Премного вам благодарен, Павел Михайлович, за всю вашу к нам доброту, но опосля всего того, что случилось, я оставаться у вас не могу.

– Почему?

– После того как вы изволили уволить моего брата, некоторые начали говорить, будто я нарочно сжил его, чтобы поступить на его место. Видит Бог, что у меня и в мыслях подобного не было. Обидно, знаете, мне стало, я и решил домой ехать. Да и то сказать, Павел Михайлович, недолго меня тянуло в Питер, потому что хозяйство у нас хорошее, жили не бедно, а тут брат в соблазн, приезжай, мол, ты мне очень нужен.

– И нам ты очень нужен, – сказал Бухтояров. – Доживи до весны, а там, пожалуй, и в деревню отпущу на лето, погостишь там, и опять ко мне.

– Благодарим покорно.

– Ну вот, становись на место управляющего.

Иван отступил даже назад.

– Увольте, – взмолился он, – оставьте меня тем же дворником.

– Ну да полно! Жалованье положу хорошее, доволен будешь.

– Простите, не могу, что хотите делайте со мною! А насчет жалованья я и не спрашиваю, пускай будет как прежде.

– Ну ладно, – согласился хозяин. – Останемся пока без управляющего, но смотри, тебе же трудно будет.

– Коли будет трудно, то я еще помощника достану и справимся.

И Иван Демьяныч с женой остались.

О, если бы они знали, что ожидало их впереди, то они бы уехали в свое спокойное Подозерье, а Бухтояровы не стали бы их отговаривать.

Дело в том, что в квартире № 36 произошла значительная перемена. Проживающий там одинокий жилец, Григорий Михайлович Ковалев, оказался вдруг не одиноким.

Давно уже было всем известно, что к Григорию Михайловичу едет из провинции его брат с женой, которая, в свою очередь, везет своего брата.

Для придания квартире настоящего семейного вида Ковалев вздумал устроить в ней капитальную переделку.

Для этого понадобились столяры, обойщики, маляры и другие мастера такого дела.

Ковалев разошелся вовсю, и тут только обитатели дома Бухтояровых заметили, насколько этот господин оказался с крупными средствами, чем невольно возбудил к себе уважение.

Все эти мастера приходили в квартиру Ковалева, стучали там, гремели, мазали, красили и опять уходили, так что никто и не заметил, как между ними проскользнул известный читателю Ланцов.

Переделка эта тянулась недели с три, и не прошло по окончании ее двух-трех дней, как Ковалев поехал на Николаевский вокзал встречать своих дорогих родственников.

Это происходило еще задолго до падения могущественного и грозного в то время управляющего Матвея Дементьева.

К полудню приехал и Ковалев с новоприбывшими.

Это были два изящных господина и полная красивая дама средних лет. Они имели такую располагающую к себе наружность, что Иван и его подручные вертелись перед ними, перетаскивая их чемоданы, саквояжи и другой багаж.

Когда на другой день после их приезда младший дворник Фома понес в участок их паспорта, то приезжие оказались следующими лицами: рыбинский купец Тимофей Михайлович Ковалев с женой Олимпиадой Павловной и купеческий сын Иринарх Павлович Телегин.

Последний, то есть Телегин, был изящный молодой человек, тип настоящего хлыща из тех, которые покоряют сердца модисток, белoshвеек, камеристок и вообще тому подобные сорта глупой бабьей породы.

Прежде мертвая квартира Ковалева вдруг оживилась. Начали появляться гости, затем всевозможные справления именин одного, дня рождения другого, так что званные пиры у них происходили чуть ли не каждый день, с немногими исключениями.

После несчастной попытки ошельмовать своего брата Матвей не поехал к себе в деревню, а решил остаться на неопределенное время в Петербурге. Теперь он дышал злобой на родного брата, собственно говоря, сам не зная за что, которого и решил извести во что бы то ни стало.

Чувство благодарности совершенно было чуждо Матвею, что мы и видели из поступка его с Никоновым. В настоящую же минуту, как мы сейчас видим, его душила злоба на самого себя, собственно, из-за затеянной им истории с бельем.

«Оно бы собственно и удалось, если бы не вмешались эти проклятые бабы», – думал он.

С такими мыслями мы застанем его в одном из трактиров около Галерной улицы, где он пил чай.

Уйдя от Бухтояровых, Матвей все-таки унес от них небольшой капиталец, с которым можно было жить, ничего покуда не делая, и потому, поселившись у одного из земляков, он повел вполне праздную жизнь, посещая все трактиры и портерные, заводя новые знакомства.

Вот и теперь, сидя за чаем, он поджидал нового знакомого, тем для него интересного, что тот жил в доме Бухтояровых. Где же люди так быстро и знакомятся, как не в поездах железных дорог и в трактирах!

– Здесь господин Дементьев? – спросил, влетая в комнату, молодой франт.

– Пожалуйста в залу, – почтительно указал буфетчик, – они давно ожидают вас.

– Мерси!

Франт снял с себя пальто и, отдав человеку, стоявшему у вешалки, пошел в залу.

– А! Очень приятно! – приветствовал его Дементьев. – Вот уже два часа как мы вас поджидаем.

– Вы? Кто еще с вами?

– Я один-с...

– А, хорошо. Эй, чалаэк! – Подлетел слуга. – Полбутылки финь-шампань², а там сам знаешь, что.

– Слушаю-с.

Перекинув салфетку с одной руки на другую, слуга бросился исполнять приказание.

Матвей поморщился.

Он был страшно скуп и не любил больших расходов, а тут отлично знал, что этот изящный молодой человек имеет неприятную привычку забывать дома свой бумажник, и потому приходилось платить ему самому.

Но делать было нечего. После нескольких свиданий Дементьев понял, какую он может извлечь пользу от Телегина, и потому покорился своей участи.

– Ну-с, что у вас новенького, Иринарх Павлович? – спросил он.

– Да ничего покуда нет особенного, – ответил Телегин.

– Управляющего там еще не нашли?

– Пока нет еще, ваш братец...

– Не брат он мне теперича! – махнул рукой Матвей.

– Ну, Иван Дементьевич, хотя и состоит в звании дворника, но все дела на него возложены, и он пользуется полным доверием хозяина.

Дементьев залпом выпил стакан холодного чая, чтобы успокоить душившую его злобу.

– Дивлюсь только одному, как он управляющим не сделался, – сказал Телегин. – Ему и предлагали это место, но он отказался наотрез.

– Честность свою соблюдает, – ехидно сказал Матвей.

– Да, человек он, как я вижу, осторожный, – сказал Телегин, в котором читатель узнает Ланцова.

Это был действительно он.

В то время, когда Ковалев отделявал свою квартиру, долго скрывааемый им Ланцов незаметно ушел вместе с рабочими и затем, как мы видели, вернулся вместе с поддельным братом Ковалева, под фамилией Телегина, понятно, как и все они, с поддельным паспортом. Таким образом в квартире Ковалева образовалась целая воровская банда.

Слуга принес полбутылки коньяку, финь-шампань с фруктами на закуску.

– Ведь я к вам по серьезному делу, – сказал Дементьев, прекрасно зная, о чем пойдет разговор.

– Если все у нас пойдет на лад, то за успех я смело ручаюсь, тем более, участников в этом деле очень немного.

– А в чем дело-то?

– Сперва давайте выпьем, а потом поговорим, как следует.

Ланцов протянул свою рюмку Дементьеву. Оба чокнулись и выпили.

– Разве еще повторим?

– Можно!

Оба повторили.

² Финь-шампань (фр. *Fine Champagne*) – название местности в окрестностях города Коньяка во Франции, доставляющей виноградный спирт, идущий на выделку коньяка лучшего качества.

– Скажите, пожалуйста, – начал Ланцов, – вы теперь, оставив место управляющего, ничего не имеете общего с этим домом, с хозяевами и вашим братом? Имейте в виду, что вы должны будете действовать против родного брата!

– Так что ж с этого?

– Нет, извините, это много значит. Тут уже надо будет действовать кровь на кровь, и пояись только у вас чувство жалости – и все дело будет проиграно.

– Ну уж насчет этого не извольте беспокоиться, – сверкнул глазами Матвей. – Тут теперича не только супротив него жалости не надо иметь, а попадись он мне на глаза – задушу собственными руками.

– Должно быть, он сделал вам немало зла?

– Еще какого! Не выпиши я его из деревни, какие бы тыщи были у меня в кармане.

– Зачем же вы его выписывали?

– А вот зачем!

Дементьев подвинулся ближе к Ланцову и начал ему тихо рассказывать. Когда он кончил, Телегин протянул ему руку и сказал:

– Отлично! Теперь мы союзники.

– Навек, – ответил Матвей.

Глава VII

Осада неприступной крепости

МАТВЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ, НЕ оставлявший мысли ограбить бывшее у Бухтояровых миллионное состояние, волей-неволей принужден был сойтись с мошеннической шайкой с Ковалевым и Ланцовым во главе.

Живя в столичном городе и видя кругом себя богатых людей, у которых, как говорится, денег куры не клюют, он только и думал о том, как нажить несметное богатство не только в тысячах, а даже в миллионах.

Он, понятно, как настоящий православный христианин очень хорошо понимал, что обкрадывать кого-либо – страшный грех, но вместе с тем Господь и разбойника простил за искреннее покаяние, а здесь за приобретенные чужие тысячи можно где-нибудь на иконостас пожертвовать или колокол отлить, глядишь, и человек свят.

Но о том, что богатых людей можно превратить в нищих и подвергнуть много людей бедствиям, он даже и не думал.

Так как в доме Бухтояровых ему бывать было нельзя, то он порешил нанять помещение, куда могли сходить все лица, имевшие с ним дело. Но чтобы занимать квартиру, нужно быть не одиноким, потому что как бы ни был хорош мужчина, но следить за собой, будучи одиноким, не в состоянии, особенно за квартирой, и для этого нужна, понятно, была женщина.

Но где ее взять?

Иван Дементьев в этом отношении был счастливее своего холостого брата, потому что у него была красавица-жена и хозяйственная, так что в его квартиру любо было войти, так в ней было все хорошо и приветливо.

Впрочем, Матвею Дементьеву долго хлопотать не пришлось. Сообразив, сколько у него было влюбленных девиц и вдовушек, он, не колеблясь, выбрал из них, по его мнению, самую подходящую и написал к ней следующее письмо:

Дорогая наша Авдотья Микифоровна!

Ушедши от господ Бухтояровых, я в настоящее время нахожусь в великой скорби и печали, так как я понапрасну обижен моим братом Иваном Дементьевым совсем безвинно и теперича покудова нахожусь без делов. Очень хорошо зная про вашу любовь и ласковость, я порешил обзавестись своим хозяйством, нанял большую фатеру, а одному без хозяйки жить мне не сподручно, потому что при моих капиталах находится много и делов. До свиданья. Авдотья Микифоровна, надеюсь, что не оставите меня в сиротстве моем и одиночестве, любящий вас,

Матвей Дементьев Адрес...

Матвей хорошо знал пышную и красивую молодую вдову Авдотью Гущину, плутоватую девку, способную на все руки.

Та не заставила себя долго просить и переехала со всем своим скарбом к Дементьеву. Квартира Матвея находилась неподалеку от дома Бухтояровых.

Несчастному Ивану и не думалось, что неподалеку от него поселился хотя единокровный брат, вместе с тем страшный и беспощадный враг, а в доме, где он служил, организовалась опасная шайка подлых мошенников, уже избравшая себе жертвы.

Недаром у Ивана щемило сердце от какого-то странного предчувствия. Недаром плакали тайне оба с женой, тоскуя по родному селу.

– Страшно мне здесь, Ваня, – говорила Марья. – Тяжко болит мое сердце.

– Ладно, не тужи, – уговаривал ее муж. – Пройдут незаметно праздники, потом Масленица, а затем весна, Пасху проведем, а потом и в деревню.

Там опять пошли дни за днями в труде и непрерывной работе.

Иван то бегал в участок с паспортами, то проводил время за домовыми книгами, проверяя полученные за квартиры деньги, то, за отсутствием хозяина, вел переговоры с поставщиками и подрядчиками. Марьюшка проводила время у хозяйки то за стиркой и глажением белья, то за приготовлением кушаний. У того и другой дела было вдоволь, скучать было некогда.

Работая не покладая рук, Мария невольно стала замечать, что молодой родственник Ковалевых, Иринарх Телегин, начал частенько заглядываться на нее и такими страстными, влюбленными глазами, что молодая женщина невольно краснела.

«Что ему нужно от меня? – думала она. – Чего бельма на меня свои тарашит? Аль для него девок или баб других нету, что ли?»

Был воскресный день. Екатерина Семеновна в то время, когда шла обедня, на этот раз не пошла в церковь и, будучи на кухне, сама руководила стряпней, ввиду того что к обеду ожидали гостей и потому она хотела отличиться на славу.

Ей помогали, кроме кухарки, Секлитея и дворничиха Марья, месившая тесто к пирогу.

Дело кипело. Все три женщины, сильно покрасневшись от жаркой плиты, бегали то туда, то сюда, не зная устали.

Висевшие на кухне часы гулко пробили одиннадцать.

– Ах ты, Господи! – в ужасе воскликнула Катерина Семеновна. – Одиннадцать часов, а у нас и тесто к пирогу не готово.

– Готово, сударыня, теперь остается раскатать и положить начинку, – отозвалась Марья.

– А все-таки ставить рано, – сказала кухарка, заглядывая в духовую печь. – Индейка у нас что-то не того...

– Пережарилась?

– Нет, барыня, сыро еще мясо, и картофья еще жестка.

– Так прикрой крышкой, скорей упреет.

В передней раздался звонок.

– Кто бы это мог быть? – соображала хозяйка. – Ступай, Маша, отвори.

Марья быстро вытерла руки, спустила засученные рукава и побежала в переднюю.

Через минуту оттуда послышалось восклицание:

– А, это ты, Марьюшка, – говорил женский голос. – Какая же ты хорошенькая сегодня.

– Ах, полноте вам...

– Барыня-то дома?

– Она тут, на куфне. Пожалуйте...

– Да куда ты, глупая, их зовешь? – откликнулась хозяйка. – Проси в гостиную.

– Нет-нет, Екатерина Семеновна, я к вам на минуту. Только на два слова. Здравствуйте...

В кухню вошла высокая и красивая дама и протянула руку хозяйке.

– Представьте себе, сколько эти праздники нам приносят хлопот, ужас.

– Что же делать, Олимпиада Павловна, это веками уже положенный обычай!

– Знаете, зачем я к вам сейчас зашла? – спросила Ковалева.

– Пока нет.

– Хочу отнять у вас Машу.

– Отнять у меня? – засмеялась Екатерина Семеновна. – Нет, на этот раз я не могу уступить вам ее, потому что она заменяет сегодня горничную, которую я отпустила со двора. У нас ведь будут гости.

– Ах, как жаль! – воскликнула Ковалева. – Ну что ж делать, можно будет рассчитывать на нее завтра?

– А это уже будет зависеть от нее, – кивнула хозяйка на Машу. – Она вполне свободна располагать собою.

– А как я могу быть вам полезной? – спросила дворничиха.

– Куча дела, миленькая, ты уж помоги, пожалуйста. Понятно, я заплачу. Так придешь?

– Не знаю, как барыня.

– Ну, вы, я вижу, начали сваливать друг на друга, – улыбнулась Ковалева.

– Хорошо-с, я пойду, – согласилась Марья.

Ковалева распростилась и ушла.

Она вернулась в свою квартиру, где вся ее «семья» была в сборе.

Там были, кроме самого хозяина, Григория Михайловича Ковалева, и «рыбинский купец» Тимофей Ковалев, и «Иринарх Телегин» или Ланцов, который еще недавно перед этим скрывался здесь как беглый арестант.

Все сидели за столом непраздно, потому что весь стол был заставлен всевозможными выпивками и закусками, и сидевшие были значительно в праздничном настроении.

– Ну что, какова твоя миссия? – спросил Ланцов, когда Олимпиада вошла в столовую.

– Завтра придет твой краля, – ответила она, сбрасывая с себя платок. – Ну, наливайте мне вашей шампани, ну хоть из этого графинчика!

– Мы все по очереди будем ухаживать за нею... – сказал Тимофей, наливая своей «супруге» чайный стакан очищенной.

Олимпиада выпила залпом и даже не поморщилась. Ткнув вилкой в кусочек селедки и отправив его в рот, она сказала:

– Ухаживать за нею! Это легко только подумать, а не сказать: подобные женщины, как эта деревенщина, совсем не понимают той пользы, которую они могли бы извлечь из своей здоровой красоты, которою одарила их природа. Рабская покорность своим мужьям и собачья верность, вот их и правила! Покорная под мужниным кулаком или, еще чаще, под его сапогом, она гордится своей верностью. Нет, господа, правду я вам скажу, это не петербургская какая-нибудь шлюха, а победить ее вашими пошлыми ухаживаниями прямо невозможно.

– Знаю, но попробую совладать с этой... И совладаю!

– Посмотрим! С завтрашнего дня я ее захороваю на целую неделю, и на плату денег не жалей. Надо удивить ее нашей щедростью.

– Ввиду предстоящих миллионов, не надо жалеть покуда грошей, – отозвался Григорий.

– Я все еще не могу понять, какую вы цель преследуете? – спросил Тимофей.

– А вот какую, – сказал Ланцов. – Главная наша цель – выжить из дома этого Ивана, который служит для нашего дела помехой. Для этого необходимо поселить между ним и его женой вражду и ревность.

– С риском получить себе от ревнивого мужа удар топором по башке.

– Ну, до этого у нас, пожалуй, и не дойдет. У меня есть на это свои комбинации. Подобные женщины, как эта красивая дворничиха, действительно очень неподатливы, для этого, чтобы овладеть ими, нужно большое искусство и масса терпения. Но зато, когда удастся завладеть ею, она почувствует всю вину перед мужем, будет избегать его и затем, чтобы заглушить перед ним свою совесть, начнет развратничать, пьянствовать, одним словом, превратится в настоящую свинью. Что касается до ее супруга, тут и говорить нечего! Тот тоже бросится в пьянство, и если его еще никто не сумеет поддержать вовремя, он погибнет совсем.

– И об этом заботится родной брат Ивана? – спросила Олимпиада.

– Да, – ответил Ланцов.

И ей вдруг стало искренне жаль бедную Марию и Ивана, для которых ожидалась такая страшная участь. Эта женщина, около трех лет прожившая среди этих извергов, не знавших, что такое сожаление к ближнему, ради своего кармана не имеющих ни к кому пощады, не была еще испорчена до мозга костей. В свое время, будучи замечательной красавицей, она

вышла замуж за одного штаб-офицера, который вскоре и умер, оставив приличное состояние. Понятно, за молодой красавицей-вдовушкой явились и ухаживатели, понятно, что среди них были прекрасные люди, но были и такие, которые обращали внимание не столько на ее наружность и душевные качества, сколько на карман.

Один из последних сумел понравиться легкомысленной вдовушке. Ловкий, красивый, он успел покорить ее сердце вкрадчивыми речами, и она в него безумно влюбилась.

Но роман их длился недолго. Красавчик скоро ободрал свою возлюбленную до последней нитки, бросил ее и исчез неизвестно куда.

Олимпиада осталась совершенно без ничего, и впереди предстоял голод. Единственным достоянием ее осталась только красота, которою она и поспешила воспользоваться. А раз нашелся подобный ресурс, то больше и говорить нечего, потому что судьба у всех этих красавиц всегда одинакова, по одному шаблону.

Сперва блестящие выезды и маскарады, театры, кафешантаны, в обществе многочисленных поклонников, затем кутежи, попойки в разных вертепах, а после...

Да что после! Среди всех этих попоек стала быстро вянуть красота, поклонников стало все меньше, и затем совсем их не стало, в ворота Олимпиады Кравцовой постучалась ничем не покрытая бедность.

И вдруг жутко стало молодой женщине. Ей сразу стали донельзя противны все эти ночные оргии, когда ночи превращались в дни, а дни – в ночи, и вся эта окружающая пошлость и нравственная грязь.

Она вспомнила своего покойного мужа, с которым жилось ей хотя недолго, но зато так хорошо. В трезвые минуты она чувствовала в себе гнетущую тоску, которую она и заглушала в усиленном пьянстве...

Наконец, после того, когда и последние поклонники покинули увядшую красавицу, на нее обратил внимание некто Илья Ильич Кубарев, прокутившийся коммерсант, хотя не настолько, чтобы прогореть совсем, и потому решившийся снова поправиться. Но так как он был повсюду должен и другого кредита не имел, то поправить дела ему было невозможно, но он все-таки не унывал. Кубарев часто виделся во время своих кутежей с Кравцовой, которая в свою очередь мало обращала внимания на этого господина. Но пришло время, когда и любовные дела Олимпиады пошатнулись, и ей пришлось уже доедать все то, что она получала от мужчин за оказанное ею им внимание, чувствуя приближение ненастных дней.

Похоронив недавно свою жену (как говорили соседи и знакомые, он вогнал ее в гроб), Илья Ильич решил, если не жениться, то, во всяком случае, пренебрегая браком, обзавестись какой-нибудь особой, ближе подходящей к его характеру, то есть чтобы это была бойкая и красивая женщина, умеющая завлечь кого угодно и особенно пригодная в его аферах.

И вот, глядя на Кравцову, Кубарев видел, что не место ей в этих вертепах, замечая, что ее смех не совсем был естественный и она таила в себе какое-то горе, что заставляло ее много пить.

Случалось ему бывать у нее на квартире, так сказать, будто бы по какому-нибудь делу. И тут он уже видел не вчерашнюю беспечно хохочущую кокетку, а совершенно другую – степенную даму, солидную, хотя и с поблекшим, но все еще красивым лицом.

Она хотя и принимала его, но довольно холодно, говорила с ним и обращалась, как требовала вежливость, так что Илья Ильич уходил от нее довольно обескураженный. После нее он посещал других полуночников, как он выражался, и видел в них совсем уже другое. Те же ухватки, то же требование угощения и золотого на память.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а в конце концов все-таки вышло так, что Кравцова предпочла иметь лучше одного любовника, чем многих, и сошлась с Кубаревым. Сверх ожидания новая жизнь ей понравилась. Она очутилась полной хозяйкой еще не совсем расстроенного хозяйства, за которое и принялась, позабыв все на свете.

Потекла тихая и спокойная жизнь Олимпиады почти в полном уединении, так как Илья Ильич куда-то исчезал по своим делам по целым дням или на несколько суток. Чем он занимался, что он делал, Олимпиада этим вовсе не интересовалась, в чем впоследствии, как мы увидим, ей пришлось горько раскаяться. Что касается до самого Кубарева, то он был очень рад своему приобретению, потому что, возвращаясь домой, он замечал во всем такой порядок и чистоту, каких не бывало даже у покойной его жены. Окружающие были очень довольны ее ласковым обращением, и были еще такие случаи, что к ней являлись ее прежние ухажеры, но Кравцова так их турнула, что они и носа потом показывать не осмеливались.

Но, как ни доволен ею был Кубарев, все-таки по своей натуре дикой, конечно, считал однажды долгом показать над нею свою власть, что он, бывало, и проделывал со своей женой, которая и умерла потом в чахотке.

– Без ефтово нельзя, – говаривал он. – Распусти вожжи, и она сядет на тебя и поедет.

– Какой тут прах, сядет и поедет, – говорили про покойную посторонние люди. – Она и так еле жива, совсем заколотил.

– Не наше дело!

Но не таковой оказалась Кравцова.

Однажды Илья после долгого отсутствия явился домой, что называется, на втором взводе.

Это было спустя три месяца, как он сошелся с нею.

Несмотря на то что Олимпиада была вполне безупречна во всех отношениях и заслуживала полного уважения, но грубому мужику показалось странным: как же это так? Сколько времени она состоит при нем вроде жены, а кулака его еще не пробовала. Но так как к подобной экзекуции в первый раз было приступить как бы неловко, то он решился для куражу выпить.

– Дома сама? – спросил он, вваливаясь на кухню, отворившую ему дверь кухарку.

– Барыня? Оне дома.

– Ишь ты, барыня, – с иронизировал Илья. – Кажинная шлюха – да барыня... Где она?

– Знамо, у себя, – сердито ответила кухарка, отлично знающая характер своего хозяина.

Сдвинув шапку на затылок и, как был, в шубе, Кубарев ввалился в комнату, где Олимпиада сидела за чаем и читала какую-то книгу.

– Однако хорош, – сказала она, кладя книгу на стол.

– А позвольте перво-наперво мне сказать, что вы тут делаете? – спросил, напуская на себя свирепость, Илья.

– Это еще что значит? – спросила, подымаясь с места, Кравцова.

И при этом она посмотрела на Илью таким взглядом, что тот невольно осекся.

– И притом, про какую вы там, на кухне, шлюху извоили напоминать?

Тут вспомнил Ильич, что покойная жена подобных вопросов ему не задавала, а эта... Эта какая-то была особенная.

– Так что же вы молчите? – топнула ногою Кравцова. – Я отлично знаю, что такие слова относились ко мне... не отговариваться, молчать!.. С этой минуты я не имею с вами ничего общего и завтра утром прошу нанять мне извозчика, я уезжаю.

И, сказав это, Кравцова ушла в спальню и заперлась на ключ. Такого афронта Ильич совсем не ожидал. Он долго стоял на месте, до тех пор, пока кухарка, подойдя к нему, не начала снимать с него шубу.

– Чай будете пить? – спросила она.

Он бросил на пол шубу, снял с головы меховую шапку, тоже бросил и, сев на диван, все еще продолжал смотреть на дверь спальни.

– Чай будете пить? – снова спросила кухарка.

– Брысь! – воскликнул Кубарев и, поднявшись с места, подошел к спальне.

Кухарка так и застыла на месте. Ей страшно было жаль эту добрую барыню, и она сильно боялась, как бы, обозлившись, хозяин ее не изувечил.

– Отворяй! – грозно произнес Кубарев, сильно стукнув в дверь.

Дверь быстро отворилась, и на пороге появилась Кравцова. Илья Ильич в ужасе отшатнулся. Перед ним стояла вся бледная, но страшно грозная Олимпиада и наводила на него револьвер.

– Если ты, подлец, пошевелинешься, то я раздроблю твою глупую башку! – сказала она решительно.

– Не надо! Не надо! – замахал руками Ильич, отступая назад. – Брось... Я ведь пошутил.

Дверь спальни вновь захлопнулась и не отворялась уже до следующего утра.

– Вот что, так баба, – пробормотал он, вновь садясь на диван. – Это не прежняя Анютка, того и гляди, на тот свет отправит... Ах ты, Господи! Леворвером так в морду и тычет.

Свидетельница всей этой сцены, кухарка, была в восторге.

– Ну что, идол, нарвался? – бормотала она. – И барыня хорошая, а пальца ей в рот не клади.

Ильич прилег на диван и предался размышлению, но мозг его плохо работал, и он вскоре захрапел богатырским храпом.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ он проснулся в восемь часов утра.

В квартире шла возня, кухарка бегала из кухни в спальню и обратно, утирая кулаком красные глаза.

– Илья Ильич, вставайте, – сказала она. – Барыня укладываются и собираются уезжать.

– Олимпиада Павловна? – спросил Ильич, вскакивая.

– А то кто же больше?

Кубарев подошел к затворенной двери спальни, но, вспомнив про вчерашний револьвер, остановился и тихо постучал. Сердце его трепетало.

– Можно войти? – спросил он робко.

– Войдите! – послышался ответ.

Олимпиада укладывала в большую корзину свои вещи и не подняла даже головы, когда он вошел.

– Проверьте, пожалуйста, эти вещи, чтобы вы не подумали, что беру вашу собственность.

– Ой, что ты, Олимпиадушка! – воскликнул Илья. – Прости меня за вчерашнюю дурость. Уж больно я был пьян.

– Оправдание, нечего сказать! И благодаря этому пьянству я должна переносить ваши дикие выходки?

В продолжение последнего времени, благодаря воздержанной жизни, она очень похорошела, и Ильич чувствовал себя еще больше влюбленным.

И он упал перед нею на колени и воскликнул:

– Олимпиада Павловна, простите!

Часть вторая Каин и Авель

Глава I Первый штурм

И НА ЭТОТ раз Кубарев подучил прощение, к величайшей радости кухарки Арины и других, кто имел какие-либо дела с Олимпиадой Павловной.

С тех пор жизнь их пошла как по маслу. Хотя Кравцова и чувствовала, что имеет огромное влияние на своего сожителя, но этим пользоваться не хотела, предпочитая спокойную жизнь всевозможным ссорам и пререканиям.

Так прошло немало времени, как вдруг совершенно неожиданно благополучие это было нарушено.

В один из праздничных дней у них появились нежданные гости, то были Григорий Михайлович Ковалев и Ланцов.

Кубарев давно имел с ними какие-то дела, про которые Олимпиада, конечно, ничего не знала, точно так же, как и про этих господ. Пока она возилась на кухне, приготавливая угощение, гости таинственно совещались между собой.

– Выгода как для вас, так и для нас будет громадная, но сам посуди, я совершенно один! – говорил Ковалев. – Самое малое – это тысяч до двадцати пяти останется на брата, не считая расхода, который, понятно, будет разделен между нами.

– Что же нужно будет сделать с моей стороны? – спросил Кубарев.

– Да почти ничего! Просто называться моим братом, женатым, конечно, а тот господин, – и Григорий указал на Ланцова, – будет в качестве ее брата. О дальнейшем не извольте беспокоиться: соответствующие для вас паспорта или другие документы могут быть готовы хоть завтра. Согласны?

Кубарев задумался.

– Пожалуй, что нет, – сказал он после недолгого молчания. – Дело тут опасное...

– Да кто тут говорит, что не опасное! – вмешался Ланцов. – Тут зато верный и прямой и, главное, скорый путь к богатству, а без риска разве можно разбогатеть, сами посудите? Да и обязанности ваши будут не великие, разве только кое-где дать свою доверенность или подпись, – вымышленной фамилией, конечно. Понятно, переселившись к нам, вы будете жить безвыездно, так как вас могут узнать.

– Да, собственно говоря, в чем будет состоять это дело?

– А вот в чем...

И Ковалев начал излагать своему собеседнику давно задуманный план ограбления Бухтоярова с помощью управляющего его домом.

Прокутившийся купчик слушал внимательно. Ему так сильно хотелось поправить свои пошатнувшиеся дела, что он был не прочь получить несколько тысяч рублей, чтобы поднять свою упавшую торговлю.

А по словам Ковалева, все это выходило так просто и удобно, что просто протяни руки и клади в карманы чужие деньги без всякого риска подвергнуться какой-либо опасности. И он согласился. Только его тревожил один вопрос – как на это взглянет сама Кравцова.

Трудно было думать, чтобы эта женщина могла согласиться на какую-либо мошенническую сделку, но Ковалев обещался уладить и это дело.

Когда ей рассказали, в чем дело, то она настолько возмутилась, что едва не полезла в карман за револьвером и собралась куда-то, но Ковалев и Ланцов все-таки сумели убедить ее.

– Тем более, – говорил Ковалев, – вы давно живете с Ильей Ильичом, сами даже и не знаете, чем он по-настоящему и занимается.

– А мне какое до этого дело!

– Как, какое дело? Наоборот, вы и должны знать, что он делает, потому что, живя с ним, вы должны делить и его будущую судьбу.

– Но, во всяком случае, я ему не жена.

– Это ничего еще не обозначает. В случае, если он попадется в каком-нибудь противозаконном деле...

– А разве он занимается противозаконными делами?

– А чем же вы прикажете заняться порядочному человеку в наше время? Благочестием? Но на нем далеко не уедешь...

Трудиться и работать? Но тут опять вопрос, будет ли от этого польза?

Сколько тут ни бейся, а потерянного капитала не вернешь. Вот и приходится придумывать другие способы как можно скорее вернуть свое благополучие, но в наших законах существует только один способ приобретения – заработай и получи! Но скажите, пожалуйста, где вы можете найти такую работу, чтобы в один какой-нибудь месяц приобрести более двадцати тысяч рублей?

– Вот уж не знаю. Ясно, что это невозможно, но зато есть и способ, хотя и не одобряемый законом. Зато самый верный, это – афера.

– Да-с! Разве не аферист был тот негодяй, который бессовестно ограбил вас после смерти вашего супруга, который прекрасно живет на ваши деньги и в ус себе не дует?

– Молчите и не смейте мне говорить об этом! – вся покраснев, воскликнула Олимпиада.

– Простите меня, что я невольно вам напомнил об этом, – сказал Ковалев. – Но нельзя забыть и то, какие страшные последствия были для вас.

– Да, это верно.

– Точно таким же образом поступили все эти господа. Бухтояров и другие господа, нажившие себе громадный дом и капитал. Неужели, по-вашему, щадить и их?

– Но почему вы думаете, что Бухтояров нажил себе состояние такую подлостью?

– Я знаю всю его биографию как свои пять пальцев, – соврал Ковалев. – И потому не считаю несколько преступным, если часть его капиталов перейдет в наши руки. Слушайте, Олим-

пиада Павловна, бросьте все ваши устаревшие убеждения о какой-то честности, необходимой только для нищих людишек и побирух. Вам надо жить и по-прежнему блистать и блистать. Раз вы были сами жертвою других, то пусть будут жертвы у вас.

Разбередив старые раны в сердце молодой женщины, хитрый Ковалев был убежден в том, что Кравцова пожелает выместить происшедшее с нею горе, доведшее ее до положения падшей женщины, еще на ком-нибудь. Он продолжал ей рассказывать выдуманную им самим историю прошлой жизни Бухтоярова, который, будучи якобы блестящим гвардейским офицером, соблазнил какую-то вдовушку, бросил ее, забрав все ее капиталы, и так далее в этом роде.

В унисон ему пели Илья Кубарев и Ланцов, так что, окруженная одними только негодями, молодая женщина не слышала ничего лучшего и невольно должна была согласиться на все их предложения.

И вот мы видели уже их въезжающими торжественно в дом Бухтояровых с измененными физиономиями и фамилиями, потому что Илья Ильич Кубарев вдруг превратился в рыбинского купца Тимофея Михайловича Ковалева, Олимпиада – в госпожу Ковалеву, а Ланцов – в ее родного брата Иринарха Телегина. Причем у всех документы были в такой исправности, что только один управляющий домом Матвей Дементьев мог знать, что это за люди.

Чем больше жила Олимпиада в доме Бухтояровых, тем больше убеждалась, что все это были прекрасные люди, совсем не похожие на тех, среди которых она вращалась. Ей положительно все нравились: солидный и вместе с тем чрезвычайно добродушный Павел Михайлович Бухтояров, его жена Екатерина Семеновна, которою не могла нахвалиться жившая у нее прислуга, наконец, дворник Иван с его миловидной Марьюшкой.

Теперь после этого долгого отступления будем продолжать прерванный рассказ.

Олимпиада с болью в сердце выслушивала рассуждение Ланцова, так тонко наметившего гибель совсем ни в чем не повинных Ивана и Марьи ради их общей хищнической цели. Но она молчала в тайной надежде, что все ухаживания молодого, но зато опытного мошенника за Марией будут бесплодны.

«Баба она, пожалуй, не из тех, которые легко поддадутся, – думала Олимпиада. – Попрыгаешь около нее, попрыгаешь, а потом и отстанешь, если не нарвешься на кулак ее мужа».

На другой день в квартире Ковалевых появилась Марья.

У них был обычай такой.

Живя уединенно в своей квартире, господа Ковалевы вели пьяную и беспутную жизнь. По временам мужчины куда-то уходили на долгое или короткое время и потом возвращались, нагруженные закусками. Но если появлялось какое-нибудь постороннее лицо, будь то хоть дворник, то картина сразу менялась. Все тут казалось степенно и ладно, и выпивка куда-то исчезала, более пьяные прятались в спальне, только Олимпиада встречала пришедшего со своей обычной приветливой улыбкой на помятом, но все еще красивом лице.

При входе Марии водворился тот же порядок: все было чисто убрано, подметено, вымыто, и только из дальней комнаты слышался мужской разговор.

– А я думала, что тебя барыня не отпустит! – приветствовала Олимпиада дворничиху.

– Я заходила к ним, а оне меня сюда прогнали, – улыбнулась Марья.

– Ну, зайди, зайди. Глаженья у меня сегодня страсть! Одной не справиться.

Обе вошли в чисто убранную кухню, в которой топилась плита, но никаких признаков предстоящего глаженья какого-то белья не было. Зато на плите что-то кипело, шипело, и жарилось, и бурлило.

– Дров-то не маловато у вас? – спросила Марья.

– Хватит. Присядь-ка к столу, сейчас будем кофе пить. Сливки у меня чудные. Не хочешь ли вишнепочки рюмочку, хочешь?

– Ой, что вы, барыня, я вовсе ничего не пью.

– Так-таки ничего?

– Мы деревенские и этим баловством не занимаемся.

– Неужели у вас в деревне все так невинны от рождения? – засмеялась Олимпиада.

– Мужики у нас пьют, это правда, а бабы этим не занимаются, – сказала Марья.

Хозяйка принесла две большие чайные чашки, сахар и сдобных булок и затем, взяв с плиты медный кофейник, начала наливать кофе.

– Какая ты счастливая, – сказала внезапно Олимпиада, взглянув на пышущее здоровьем лицо красавицы-дворничихи.

– Чем же-с?

– Да всем, у тебя прекрасный муж, который тебя любит. В деревне хозяйство, и правда, зачем ты сюда приехала? Здесь столько всевозможного соблазна и всякой мерзости, а у вас там благодать, такая тишина и покой.

Обе женщины вздохнули сразу. Одна потому, что с ранней молодости лишилась любимого мужа и навсегда испортила свою жизнь, другая – вспомнив свое родное село, Подозерье, бабушку Ирину и даже собаку Михрютку.

– Ах, как не хотела я ехать в этот Питер, – сказала Марья, – но Иван меня насильно потащил.

Послышались твердые мужские шаги, и на пороге показался Ланцов. Он был одет в приличный пиджачный костюм, пенсне на носу придавало ему франтоватый вид.

– Вот куда перешла пить кофе, а о нас и забыла, – сказал он Олимпиаде, делая вид, что не замечает Марьи.

– Что же там никто ничего не скажет? Делать тебе нечего, волокиты сюда стаканы, и налью всем.

Иринарх повернулся на одном каблуке и вернулся в комнаты.

ПРОШЛО ЧЕТЫРЕ ДНЯ, а работа для Марьи не убавлялась, а скорее прибавлялась. Кроме глажения или стирки приходилось варить кушанья, мыть полы, чистить посуду и прочее. Уходя домой, она получала по рублю за проведенный день, что Ивану крайне не понравилось.

– Небось в поденщицы нанялась у них, – сказал он резко. – Ишь ты, по целковому получаешь за каждый день, какие ты делаешь у них дела?

– Знамо какие, бабы, – отвечала Марья. – Али жаль тебе ихних денег?

– Оно не жалко, а то досадно, что нам приходится каждый день жрать всухомятку, особенно подручным, и это после такой египетской работы. Да и что тебе за рублями гоняться, когда нас доходами и без того Бог не обидел?

И Марья осталась стряпать обед своему мужу, сама того не замечая, что какая-то таинственная сила влекла ее в квартиру Ковалевых, и, конечно, не рубли, получаемые ею, до которых она была вовсе не жадна.

За эти четыре дня она много наслушалась от Ланцова того, чего не знала прежде. Сидя на кухне, молодой франт смеялся над ее деревенской неловкостью.

– С такой красотой, как у вас, разве можно жить с таким человеком, как ваш муженек? – говорил он. – Вечно гнет спину над тяжелой работой и очень рад, когда получает несколькими грошами больше других.

– На то есть закон, – возражала Марья, – не знаю, как по-вашему, но у нас все делается по-православному. Это даже в Писании сказано, и сама я слышала, когда венчалась: «Жена да боится своего мужа!»

– Старо! – махнул рукою Ланцов. – В наше время на это и внимания не обращают. Свободная любовь – вот оно что!

*Захочу – полюблю,
Захочу – разлюблю...—*

продекламировал он и бросил на Марью такой взгляд, что молодая женщина густо покраснела.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ лекция Ланцова о свободной любви повторилась опять, и на этот раз он говорил так ярко и красиво, что Марья невольно загляделась на красивое одушевленное лицо молодого человека и сравнила его с мужем.

И вот этот дюжий человек богатырского склада, ровный и спокойный, медлительный и молчаливый, вечно думающий об одной только работе, теперь только показался ей сравнительно серым мужиком.

И чем больше распевал Ланцов про ее красоту, тем противнее становилась ей эта дворничая, казавшаяся раньше такой уютной. Все чаще и чаще подходила она к зеркалу, в котором отражалось красивое румяное лицо скорее молодой девушки, чем женщины, пробывшей три года замужем.

Жить вечно в этой тесноте, работать как ломовая лошадь из-за каких-то грошей, между тем как это лицо может дать все то, что составляет полное счастье в земной и особенно в питерской жизни: экипажи, шляпки, богатые ротонды³, роскошные квартиры, и все что хочешь, того просишь.

Марья стряпала обед для дворников, ставила самовар для них, Иван со своими подручными приходил обедать или пить чай и, сильно озабоченный делами по дому, вовсе не замечал почти своей жены и думать не мог о том, что творится в ее сердце и в бабьем уме.

По несколько дней она иногда не видала Иринарха Павловича Телегина (под этим именем проживал Ланцов), который куда-то исчезал, и, чувствуя поэтому, что ей будто кого-то не хватает, долго просиживала у окна своей квартирки, выходящего на двор, выжидая, когда появится знакомая щеголеватая фигура.

Один раз у домовой хозяйки случилась большая стирка, в которой принимала деятельное участие и сама Мария. Вымытое и выполосканное белье нужно было развесить на чердаке.

С помощью подручного Фомы Марья потащила туда большую корзину с бельем, и когда младший дворник ушел, она, оставшись совершенно одна, занялась развешиванием. В громадном пространстве чердака большого дома было пусто и царил тишина, невольно наводившая на размышление.

Задумалась Марья, но не прежние были эти думы! На этот раз родная деревня, вместе с дядей Елизаром, бабушкой Ириньей и с мохнатым Михрюткой отошли куда-то на задний план и заволоклись будто туманом, а вместо этого витала стройная фигура Телегина, с черными красивыми усиками и жгучим страстным взглядом.

– Господи, да что же это такое?! – воскликнула она. – Просто наваждение какое-то!

Она подняла руку, чтобы перекреститься, как услышала позади себя голос:

– Чего вы испугались, Марья Васильевна?

Марья вздрогнула и оглянулась.

Перед ней стоял Ланцов. Она схватилась за веревку, чтобы не упасть, и едва проговорила:

– Господин Телегин, зачем вы здесь?

– Неужели я так страшен? – сказал Ланцов-Телегин, подходя к ней. – Маша! Я пришел сказать тебе один раз и последний. Я люблю тебя! Люблю так, что без тебя...

– Что вы! – в ужасе воскликнула Марья. – Вы не знаете сами, что говорите. Не забывайте, что я мужняя жена и таких глупостей слушать не согласна. Уйдите!

И она сделала такой жест рукою и так сверкнула глазами, что Ланцов невольно отступил назад. Но этот человек был не из таких, каких можно было бы чем-нибудь обескуражить. Он

³ Ротонда – верхняя женская теплая одежда в виде длинной накидки без рукавов.

остановился, скрестил по-наполеоновски на груди руки, склонил голову и принял грустный вид.

– Да... – проговорил он трагически. – Это правда... Я ищу невозможного! Действительно, мыслимо ли отбить честную жену от мужа? Но что же делать, без тебя у меня жизнь не в жизнь. Без тебя тоска в разлуке.

Последние две фразы он позаимствовал из какого-то романа и с убитым видом взглянул на открытое слуховое окно чердака.

– Прости меня! – произнес он. – Я не должен так делать, но кто может устоять против невольного движения любящего сердца? Прощай, Маша! Этот дом имеет шесть этажей, и посмотри, что станет с моим телом, когда я брошусь с этого окна! Не поминай лихом любящего тебя Иринарха...

И он с решительным видом твердыми шагами направился к окну. Марья, побледнев, провожала его глазами. Вот он взглянул на нее в последний раз и занес ногу за окно. Марья вскрикнула и, бросившись к нему, схватила за полы пальто.

– Что ты делаешь, глупый!

Он опять стоял перед ней со страстно горевшими глазами.

Не успела она опомниться, как Ланцов обхватил ее, начал осыпать горячими поцелуями ее лицо и открытую шею.

Ланцов ушел, торжествуя свою победу. Марья, прислонившись к печной трубе и закрыв руками лицо, горько плакала. Она не устояла против этого человека и отдалась ему. Уходя, он поцеловал ее последний раз и сказал:

– Теперь ты моя навсегда! Попробуй только попытку, хоть малую, отделаться от меня – и тогда... понимаешь?

Он взглянул на нее такими глазами, что она невольно вздрогнула.

– Сегодня, в четвертом часу вечера, заходи к нам, я буду один.

И правда, в назначенное время она была у Ланцова и проводила с ним время в полном уединении.

С этого времени она почувствовала, что не принадлежит больше мужу.

Глава II Началось

ИВАН, ПОНЯТНО, И не подозревал об измене своей жены.

Только как ни занят он был своими делами, а все-таки не мог не заметить в ней странной перемены.

Говоря с ним, Мария, как бы боясь направленного на нее взгляда мужа, смотрела в сторону, кроме того, она заметно побледнела и осунулась. Когда после первого своего преступления с Аанцовым она должна была лечь с мужем спать, то вдруг почувствовала сильный приступ лихорадки. Она дрожала как осиновый лист, смотря на Ивана, который снимал с ног сапоги.

– Что с тобой, Марьюшка? – спросил он, взглянув на ее побледневшее лицо.

– Ох! Больна я совсем... – простонала Марья, стараясь не глядеть ему в лицо. – Лихорадка меня так и треплет... Сама не знаю с чего.

– Оно известно отчего, – сказал Иван. – Прачешная холодная, а она стоит в ней в воде чуть не по колена и в башмаках на босу ногу.

– Знамо, простудилась, – ответила жена, кутаясь с головою в одеяло.

– А ты бы дернула рюмочку перцовки, вот оно и лучше будет: жар появится, ну и заснешь крепче.

– Ну, давай...

Никогда ничего не пила Марья, но тут она положительно не могла взглянуть на него от страшного стыда. Когда Ланцов сказал о своей победе Кравцовой, то Олимпиада Павловна не на шутку перепугалась за участь бедной Марии.

– Ах ты, негодяй, что ты наделал! – вырвалось у нее.

– Особенно ничего, – усмехнулся Ланцов. – Я только еще раз доказал, что ни одна женщина, какая бы то ни была, против меня не устоит. Вот и ты тоже не устояла.

– Замолчи! Мне очень жаль этого Ивана, который вдруг узнает об этом. Что будет с ним, трудно и понять.

– Случится то, что входит в наши планы.

– Ах, как жаль! Какие это были честные труженики, и вдруг их честная и спокойная жизнь должна перевернуться вверх ногами.

– Брось свою сентиментальность!

– Ничего не сентиментальность, а просто не знаю, как хватает у людей жестокости губить один другого.

– А ты читала Дарвина о борьбе за существование? – спросил Ланцов.

– Провались ты со своим Дарвиным.

– В этом сочинении он говорит, что в нашем мире все так устроено, что животные, населяющие его, поглощают и уничтожают друг друга, чтобы поддержать свое существование. Волк, или там медведь, или шакал, чтобы не умереть с голоду, пожирают других животных, не справляясь о том, добродетельны они или не добродетельны. Так же поступают рыбы, птицы и даже едва заметные через микроскоп инфузории. Что касается до человека, то он перешеголял в своем, что называется, хищничестве всех животных, вместе взятых. Но поверь, это не хищничество, а закон природы! Повинуясь этому закону, мы должны заботиться только сами о себе. Желая жить в довольстве, лучше других пользоваться всеми удобствами жизни, мы и должны заботиться об этом, устраняя все препятствия, которые встречаются нам на пути к обогащению. Попались теперь на этом пути Иван и Марья, долой их! Если мы будем все разбирать да всех щадить, правых и невинных, то при чем мы сами-то останемся?

– Ноу нас есть еще другие законы, которые говорят совсем иначе! По этим законам...

– Знаю, знаю! – замахал руками Ланцов. – Ничего я не признаю, кроме закона природы, который самый что ни на есть естественный.

Но Кравцова более не слушала и ушла к себе на кухню. Она чуть не плакала от сожаления, что не могла вовремя предупредить Марью, рассчитывая на ее стойкость.

Между тем Ланцов отправился к Матвею Дементьеву.

Как сказано выше, он поселился неподалеку от дома Бухтояровых и, не будучи сам замечен, следил за всем, что там делается.

Поселившись вместе со своей недавней сожительницей Авдотьей Гущиной в новой квартире, Дементьев больше всего позаботился о наружном блеске.

В ПЕТЕРБУРГЕ И других больших городах все так и делается.

Живет человек впроголодь, проживая на кусочках хлебных обрезков стоимостью по копейке за фунт с кваском и не имея на плечах рубашки, но все-таки надевает на голую грудь белую манишку, подвязывает галстук и надевает хоть крайне поношенный, но все-таки хоть немного приличный костюм. В таком виде (тут нужна непременно шляпа!) он может зайти и в любой ресторан, найти какого-нибудь знакомого и занять сколько-нибудь для поддержания себя до следующего дня, а там что Бог даст.

Такие и многие семейные люди, хотя и не обремененные ребятишками, посмотришь, перебиваются с хлеба на квас, едят какой-нибудь жиденький супец, откуда даже и мясом не пахнет, а войдите к нему, попробуйте!

Встречает вас хозяйка или хозяин, сохраняющие на своих лицах самодовольство и важность, и понятно, очутившись в прилично обставленной комнате, вам и в голову не придет, что здесь тоже царят прикрытая нищета и голод.

Зато небогатому трудящемуся человеку, не живущему напоказ, а так, как нужно по трудам своим, бывает плохо. Его не пустят не только в ресторан, но даже в мало-мальски порядочный трактир, хотя у него и новенькая фуражка, а не манишка, надетая на голое тело, и не шляпа, купленная у татарина или тряпичника за гривенник, и хотя он бы пришел с несколькими рублями денег.

Таков дикий взгляд, господствующий у нас и повсюду, отчего многие труженики этим много теряют, потому что они ходят туда не ради пьянства, а для дела.

Придет такой человек, закажет себе чаю, почитает газеты, а тут, смотришь, и недаром он затратил двугривенный или гривенник: явится какой-нибудь знакомый и даст ему заказ.

Таков был и Матвей Дементьев.

Хотя он и порядочно пограбил Бухтоярова, но все-таки не настолько, чтобы шикарно обставить свою квартиру, и ограничился только тем, что устроил что-то вроде гостиной, обставленной мебелью, покрытой чехлами (неприменно чехлами, потому что так принято у господ!), картинами и всем, что требует петербургская убогая роскошь, а сам со своей сожительницей, Авдотьей Никифоровной Гущиной, жил в грязной, наполненной разным хламом каморке, куда посторонним лицам входить строго воспрещалось.

Дементьев сидел в своей гостиной, читая по складам какую-то газету, как вбежал Ланцов.

Он был весел, и по лицу его было видно, что он совершил великое дело.

– Началось! – воскликнул он.

Матвей бросил на стол газету и встал с кресла.

– Что, началось? – спросил он.

В это время вошла Гущина. Это была полная особа, хотя не слишком красивая лицом, но сложенная на купеческий вкус, или, как иные говорят, в русском стиле.

– Здравствуйте, Авдотья Никифоровна! – подскочил к ней Ланцов.

– Здравсьте! – произнесла церемонно Авдотья и сделала книксен.

Поздоровавшись, Ланцов бросился в кресло и начал рассказывать про известную нам сцену на чердаке.

Глава III Гость из деревни

ЛЮБЕЗНОМУ НАШЕМУ ПЛЕМЯННИКУ, Матвею Дементьевичу, и любезному другому племяннику, Ивану Дементьевичу, с супругою вашей, Марьей Васильевной, от дяди вашего, Елизара Михеева, посылаю низжайший поклон и желаю вам всякого здорovia и благополучия. Я, слава Богу, жиф и здоров, чиво и вам желаю, что матушка твоя посылает тебе родительское свое благословение вовеки нерушимое, по гроб твоей жисти, сама очень больна опосля того, как получила из Питера письмо, в котором было сказано, что будто супруга твоя пред Богом венчаная, очень согрешила супротив тебя, ейного законного супруга и возжсается с кем-то, ведет себя не так, как подобает...

– Фу, черт возьми, что же это такое! – воскликнул Иван, сжав в руке письмо, которое он читал.

Он был не один. Перед ним сидел мужик с седенькой бородкой, одетый в серый кафтан и большие неуклюжие сапоги. Мужик этот был тоже из села Подозерье, приехавший на заработки и по пути привезший это письмо с деревенскими гостинцами. На столе для гостя были приготовлены водка и закуска. В эту минуту Марии здесь не было.

– Кто это писал? – крикнул Иван, весь бледный от гнева.

Мужик не выдержал этого взгляда и этого окрика и съехался на своем стуле.

– Сказывал я, что дядя Елизар! – проговорил он робко.

– Елизар прислал это письмо, но кто ему писал-то?

– Твой брат Матвей.

– А! Вот оно что! Матвей. Вот собака этакая, какую он мораль напустил на мою жену! И матушка наша от этого заболела и, пожалуй, помрет. Ведь братец-то мой, чай, и позабыл, что он тоже сын ее родной, как и я, и старуху до того доводит, что та хоть в гроб ложись.

Он нервно схватил бутылку с водкой и наполнил ею два чайных стакана.

– Многонько будет, Иван Дементыч, – потряс головой мужик.

– Все равно, пей!

Мужик выпил полстакана и, сильно поморщившись, отплюнулся и потянулся за куском говядины, накрошенной на тарелку, между тем как Иван выпил сразу до дна и ничем не закусил.

– Ну и поговорю же я с тобою, Митюха! – проговорил он, злобно сжимая кулак, и стукнул им об стол так, что стоявшая на нем посуда ходуном заходила.

– Ишь ты, – проговорил мужик, сочувственно покачав головою. – Какую мораль напустил, а?

– И это родной брат! Спрашивается, на кой черт он выписал меня из села, где мне и без того хорошо жилось? Приезжай, говорит, благодать тебе в Питере будет, просто разлюли-малина, и денег лопатой огребать будешь... Ну, положим, насчет денег тут и говорить нечего, я очень даже доволен, хоша и не огребаем лопатой, но зато хозяева у меня хорошие и меня не обижают. Но ведь все-таки не задарма они мне даются, горб-то свой гнем больше, чем у себя дома. Оно все ничего было бы, да тут вот вдруг словно леший обошел брата моего.

Незнамо за что вдруг окрысился на меня и на жену, начальство из себя изображать стал, а потом я узнал от Савельича, швейцар это у нас, что он выжить меня из дому задумал. Ну, надо так сказать, в этом доме меня все любят, а хозяева в особенности, потому что я со всеми потрафить могу, и жилец у меня, будь он богатый или бедный, в обиде не бывает; для всех я одинаков: богатым не кланяюсь, перед бедными не горжусь. Что же ты чай не пьешь?

– Благодарим покорно, стакашек еще выпью, – сказал земляк, принимаясь за остывший чай. – А что ты сейчас сказал, то это правильно. Вот и посеючас наш батюшка, о тебе вспоминаячи, всем в пример ставит. Вы, мол, мужички-то такие-сякие, пьянствуете и в пьянстве не токмо что безобразия разные делаете да баб своих колотите задарма, но и хозяйство свое запускаете и разоряете. А Иван, хотя и выпивает грешным делом, но хозяйство ведет строго. Вот оно что!

На эти слова Иван горько усмехнулся:

– Да, батюшка меня всем в пример ставит, а вот братец-то мой единоутробный в воры меня поставить хотел, да Господь не допускал и самого покарал.

– Как это – в воры? – спросил с удивлением гость.

– Видно, шибко надоел я этому честному человеку, – продолжал Иван, – и он задумал вот какую штуку. Подучил здешнюю прачку, и даже сороковку ей дал, чтобы она сняла с чердака белье и обвинила меня в краже, так и устроила. На беду, наш сарайчик, небольшой такой, в котором лежали мои вещи, был отворен. Она положила туда свое белье, а потом подняла крик, что будто ее обокрали.

– Ах, она стерва! – возмутился мужик.

– Ну, понятно, братец за нее. Перво-наперво, позвал меня в контору, я в те поры с подручными сгребал снег со двора, сильно уставши, пришел в контору и, как было это прежде, хотел было сесть на стул, а он как крикнет: «Ах ты, такой-сякой, какую ты имеешь полную праву садиться перед господином управляющим! Ты должен у порога стоять!»

– Ишь ты, – произнес мужик.

– Ну, я его, понятно, обрезал, он так обозлился, что не говоря худого слова побежал прямо к барину с заявлением, что я, мол, как дворник, ничего не соблюдая, избаловал своих подручных и довел до того дела, что с чердака белье стали воровать. И тут же и совет дал,

что меня давно пора уволить. Но барин у нас не дурак. Тут же начал производить следствие и так строго, что Матвей не на шутку перепугался. А тут вышло еще хуже для него: прибежали две жилицы и заявили барину, что брат нарочно уговаривал Матрену, прачку то есть, чтобы она проделала со мною эту штуку. Ну, потом дело и открылось. Барин опосля этого сильно обозлился на Матвея, всячески ругал его, а потом начал проверять домовые книги, которыми он заведовал. И что же оказалось?

Иван умолк и начал слегка дрожащей рукой наливать в стаканы водку. Мужик вопросительно уставился на него.

– Давай выпьем, – сказал Иван сурово.

– Благодарю, Иван Дементьич, уж больно много...

– Потчевать можно, неволить грех, а я вот пожар в груди моей думаю вином залить.

– О, не заливай! – искренно взмолился гость. – Право, не заливай, хуже еще разгорится пожар этот самый; сам я испытал это, по себе знаю!

Но Иван не слушал. Это воспоминание о поступке брата и заявление о неверности его жены сильно его обижали, и, думая успокоиться, он пил водку большими дозами.

– Ну, слушай дальше, – сказал он, ставя на стол допитый стакан. – Начал хозяин проверять эти книги, и оказалось, что много чего там не хватает, счетов нету, проверил кассу, где деньги хранятся, а там трех тысяч рублей как не бывало. Ну, понятно, хозяин человек богатый, не хотел отдать Матвея под суд и только прогнал его вон.

– Вот что значит Господь! – воскликнул мужик, крестясь на образ. – Хотел погубить тебя, а сам и влопался...

Он немного подумал и сказал:

– Теперь я все понял!

– Что ты понял?

– А то, что жена твоя ни в чем не повинна. Это просто-напросто Матвей по злобе на тебя напустил мораль на твою Марьюшку. Мы ведь, слава Богу, все знаем ее, что не такого она характера, чтобы закону изменять, и мы бы все не поверили, коли бы не Матвей.

Услышав эти слова, Иван сразу оживился.

– Ты так думаешь? – спросил он.

– А то как же? Всему, что он, Матвей то ись, написал, можно было бы поверить, потому, что никто не знал о том, что промеж вас произошло. А теперь, когда ты сейчас рассказал мне обо всем, я и догадался.

– Да, это верно! Жаль, что не знаю, где теперь этот Юда Скариотский живет, а то поговорил бы с ним. А впрочем, много искать тут нечего, завтра же пошлю Фомку в адресный стол.

Весь этот разговор происходил спустя три недели после посещения Ланцовым Матвея Дементьева. Тот был очень обрадован падением Марии и немедленно отписал об этом в Подозерье, к дяде Елизару. Понятно, все там были страшно возмущены поступком Марьи и искренно соболезновали горю Ивана.

Послав это письмо, Матвей очень верно рассчитывал, что брат от такого горя, как измена его жены, запьянствует, быть может, и совершит сгоряча какое-нибудь преступление, почему, послав письмо в село, он рассчитывал, что доля Ивана перейдет к нему, а главное – ему нужно было втоптать в грязь его репутацию.

За эти две недели Авдотья Гущина тоже не зевала. Она повсюду шушукалась с другими бабами, распространяя слухи об измене мужу Марьи, но она, кажется, забыла, что Питер – не деревня и такими новостями тут никого не удивишь, потому что вполне безупречных женщин и даже девиц в столице почти не существует, и что если в захолустье где-нибудь считают подобные поступки за порок, то в столицах это чуть ли не добродетель.

В это время Марья находилась то у хозяев, то у Ковалевых, стараясь как можно реже попадаться на глаза мужу, и приходила к себе только тогда, когда он, усталый от дневного труда, крепко спал.

Часто Иван сердился на жену и выговаривал ей:

– Куда это ты все время шляешься? Видно, придется, чтобы обед варить, куфарку нанимать или самому приниматься.

При этом он стал замечать, что свежий и здоровый цвет лица его жены стал пропадать, что он приписывал ее нездоровью и советовал ей бросить работу, которая ее утомляет, и отдохнуть хоть неделю. А между тем, совершенно отдавшись Ланцову, она окончательно подпала под его влияние так, что он делал над нею что хотел, и из страха перед мужем ей волей-неволей приходилось покоряться. Но когда начала распространяться пущенная Авдотьей сплетня, то несчастная женщина положительно пришла в ужас.

– Что теперь мне делать? – плакалась она пред Кравцовой. – Люди поговаривать уже начали, узнает муж – убьет.

Олимпиада искренно полюбила Марью и давно уже вникла в ее положение, обдумывая, как помочь ее горю. Она отлично понимала, что не обойдется без страшной катастрофы, когда Иван узнает истину, и гибель его жены казалась неизбежной. О Ланцове она не думала и, мало того, не могла дождаться того времени, когда этот человек, наделавший немало зла на своем недолгом веку, потерпит заслуженную кару.

– Да, теперь тебе нет спасения, – говорила она Марье. – Знаешь пословицу: шила в мешке не утаишь, – рано или поздно, а муж все-таки узнает.

– Ах, милая! – говорила, рыдая, Марья, – теперь остается только одно: руки наложить на себя!

– Молчи и не говори глупостей! – строго сказала Кравцова. – И не такие дела обходятся благополучно. Успокойся и не падай духом. Я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы спасти тебя... А пока вот мой совет: будь любезнее с мужем и не отворачивайся от него.

Глава IV

Ни тому, ни другому

ВЫПИТОЕ В ОГРОМНОМ количестве вино мало подействовало на Ивана. Теперь он был твердо убежден, что жена его оклеветана Матвеем, и твердо порешил расправиться с коварным братом как следует. Когда пришла жена, он прочитал ей письмо и пытливо взглянул на нее.

– Что ты скажешь на это? – спросил он.

Она не отвечала. Бледная как скатерть она смотрела на мужа расширенными глазами и потом, тихо вскрикнув, тяжело грохнулась на пол. Страшно перепуганные Иван и его гость начали приводить в чувство лежавшую в глубоком обмороке женщину, sprыскивая ее лицо и открытую грудь водой и вливая в рот водку. Марья открыла глаза и теми же расширенными зрачками смотрела на мужа, которому стало даже страшно. С помощью гостя он уложил ее в постель и заботливо прикрыл одеялом.

– Поспи немного, вот оно и пройдет, – сказал он и снова сел к столу. – Наделал же делов этот Матвей, – проговорил он сердито.

– Еще бы, кому это приятно! – сказал земляк. – Клевету напускает на неповинного человека. На нашего брата это туда-сюда, а вот бабе беда. Кажинный будет в нее пальцем тыкать, ты, мол, такая да сякая, вот оно что!

Вошел Фома.

– Аль что случилось с Марьей Васильевной? – спросил он, взглянув на кровать.

– Да, есть такая пословица: спишь и то беду наживешь, – сказал Иван. – Погляди-ко, какую шутку проделал наш бывший господин управляющий. На-ко, почитай.

Фома взял поданное ему письмо, прочитал его и покрутил головой.

– Дела, – произнес он. – Уж ты не пришиб ли ее грехом?

– Что я, дурак, что ли, чтобы верить всякой клевете? Я только прочел ей, что из деревни пишут, и этим письмом словно обухом по башке саданул.

– Как услышала, так и грохнулась наземь, – добавил гость.

– Вот тут-то я понял теперь, – воскликнул Фома, схватившись за голову.

– Чего понял? – спросил Иван.

– Это ты только, Иван Дементьевич, ходишь как глухой или слепой и не видишь, что кругом тебя делается. Про Марью Васильевну все бабы языки истрепали, говоря про нее, что будто она с кем-то снюхалась, кроме своего мужа. Понятно, на чужой роток не накинешь платок, и я не хотел говорить тебе об этом, потому что сам этому не верю и тебя зря сердить не хотел, а теперь и вижу, откуда это пошло! Ладно, как попадется мне эта Гущина, накостыляю я ей затылок.

– Какая это Гущина?

– Аль забыл? Это та самая, которая жила в номере 154, что в среднем флигеле.

– Эта такая толстая и высокая баба?

– Она самая и есть. Все ходит в наш дом и смутьянство заводит... А живет она, сказывают, с братом твоим.

– С Матвеем? – вскочил с места Иван.

– Сказывают, а я сам хорошо не знаю. А теперь, как Матвей отписал в деревню, я понял, кем эта музыка заведена.

– Завтра надо будет сходить в адресный стол, – сказал Иван, наливая в стакан водку. – Там, кстати, тебе справляться нужно и узнать, где Матвей проживает. На-ка, выпей да закуси хорошенько.

Марья все слышала и дрожала как в лихорадке. Было ясно, что муж пока ничего не знает, но все-таки придет время, и он узнает всю правду. Пробило одиннадцать часов вечера, Иван, положив гостя спать, начал надевать тулуп.

– Дежурить ведь моя очередь, – сказал Фома.

– Ладно, знаю. Ты отдохни пока, согрей самовар, попей чаю и отдохни. Ужина на сегодня нету, ешь то, что тут на столе, а под столом еще не початая сороковка, можешь выпить, отдохнешь, а потом часу во втором меня сменишь.

Целую ночь Марья не могла сомкнуть глаз. Она теперь от всей души ненавидела Ланцова, так нагло нарушившего ее душевный покой.

«Приколдовал он меня! – думала она. – словно сила нечистая влечет меня к нему, так влечет, что я и сама не знаю, что делаю».

Действительно, этот разбойник, как ни странно кажется, имел демоническую власть над женщинами, которые имели несчастье увлечься его пылкими речами. Выходило так, что сперва они отдавались ему с безумною страстью, в то же время ненавидя его за глаза.

Глядя на мужа, который перед уходом на ночное дежурство заботливо прикрыл ее одеялом и перекрестил, она чувствовала, что сердце ее разрывается на части, и у нее был даже порыв соскочить с постели и, упав к его ногам, сознаться в своей вине, но вовремя одумалась. Она знала отлично горячий нрав этого добродушного человека, и сознайся она, он моментально ее убьет.

Она лежала и смотрела на сидевшего за столом Фому, который, предварительно выпив, аппетитно закусывал.

«Вот что значит чистая совесть, – думала она. – Ест себе и знать ничего не хочет... А мне и кусок в горло нейдет, а подойдешь к зеркалу, посмотреть на себя страшно».

Видя, что хозяйка его лежит с открытыми глазами, на которых блестели слезы, Фома заботливо спросил:

– Марья Васильевна, не хочешь ли попить чайку? Сейчас самовар ставить буду.

– Спасибо, я не хочу, пей сам.

– Ах, проклятые бабы, – возмущался Фома. – Супротив кого они такую мораль напускают? Супротив людей, от которых, окромя добра, никто ничего не видел! Хорошо, что из деревни прислали, и все объяснилось, кто этому причиной, а то бы, долго ли до греха, поверил и скандал бы затеял... Эх, народ!

Только под утро забылась Марья тяжелым сном и проснулась в десять часов утра.

В дворницкой никого не было, потому что Фома ушел в адресный стол, а Иван – в участок, второй же подручный был отказан за ненадобностью.

Наскоро одевшись и умывшись, не причесав даже головы, Марья пошла к Кравцовой.

Как нарочно, Олимпиада была одна, потому что все ее сожители, в том числе и Ланцов, разошлись кто куда по своим темным делишкам.

– Кто там? – крикнула она, не выходя из комнат.

– Это я, – отозвалась Марья, запирая за собою дверь.

– Иди сюда!

Дементьева вошла в небольшой кабинет, где за письменным столом сидела Кравцова и что-то писала.

– Садись, пока моих чертогонов здесь нет, я хочу серьезно поговорить с тобой. Да что это? Ты страшно бледна!

– Ах, Олимпиада Павловна, вы бы знали, что вчера случилось! – сказала Дементьева и горько заплакала.

– Опять слезы! – воскликнула Кравцова, сердито швыряя в сторону перо, которое воткнулось острием в пол.

Марья поспешила поднять его и, кладя на стол, проговорила сквозь слезы:

– Простите, но вы бы знали...

– Главное, не реви. От слез красота лица портится и муж любить не станет. Ну, говори, что у тебя там стряслось?

Выслушав рассказ Марьи про письмо и про распространяемые про нее сплетни, Кравцова покачала головой и сказала:

– Это и должно было случиться. Но может быть и хуже. Ты говоришь, что Иван послал Фому в адресный стол?

– Да, послал.

– Значит, встреча между братьями будет неминуема и Иван узнает всю правду.

– Разве Матвей все знает?

– Да как же ему, подлецу этакому, и не знать, когда все они вместе с моими одна шайка? Ты только одно пойми: этого только и нужно, чтобы возбудить в твоём муже ревность, чтобы он, Иван, в безумном гневе совершил что-нибудь такое, от чего он мог бы пропасть. Вот как нынче поступают родные братья!

– Господи! Что же мы с мужем против него сделали?

– Очень многое! Во-первых, твой Иван со своею честностью помешал Матвеем обокрасть Бухтоярова. Разве это с его стороны не преступление? Вообще мне это страшно опротивело и омерзело. Я не могу равнодушно видеть окружающих меня зверей в образе человеческом, с которыми меня свело мое горе и мое собственное безумие.

Она судорожно схватила руку Дементьевой и продолжала:

– Я сама – несчастная, обманутая женщина! Обманутая моим первым любовником и им ограбленная, я осталась ни с чем, кроме красоты, которую и выставила на продажу всем, кому угодно. Я потеряла голову, не зная, что делать, я по уши погрязла в разврате... Я отдавалась

тем, которые были для меня отвратительны, как любая гадина! Я думала, что этим я поправлю свои материальные обстоятельства для того, чтобы жить одиноко и в покое, но это мне не удалось, потому что у меня не хватило силы воли лазать бывшим со мной мужчинам в карманы за бумажником, что делают другие женщины. Наконец, мне это все страшно опротивело, тем более я начала уже дурнеть. Я бросила все и стала жить одна, но некоторые мужчины все еще продолжали преследовать меня своею любовью, и вот с одним из них я и сошлась.

– С Тимофеем Михайловичем?

– Какой он, к черту, Тимофей Михайлович! Когда я перебралась к нему, он был просто Илья Ильич Кубарев, я думала, что это настоящий купец, хотя разорившийся, который бросит кутежи, вновь примется за хозяйство и остепенится, так он и уверял меня, я поверила ему и согласилась, но потом оказалось, что он настоящий мошенник!

– Неужели?

– Иначе зачем ему нужно было переезжать сюда под вымышленным именем и называться братом этого Ковалева?

– Зачем это он так сделал?

– Зачем? Впрочем, пока этого я тебе объяснять не буду, потому что в этих делах ты глупа и ничего не смыслишь. А теперь я скажу только то, что, поселившись в этом доме, я поняла, что не перевелись еще хорошие люди, но и тех хотят погубить.

– Кто это хочет? – с испугом спросила Дементьева.

– Ах, оставь с этими вопросами! – крикнула Кравцова и топнула ногой. – Ничего я не скажу тебе до поры до времени, а скажу только одно, что нам с тобой надо бежать отсюда, да как можно скорей.

– Бежать?

– Ну да, что же остается иначе делать, особенно тебе?.. Прежде всего, ты мне скажи правду без всякой утайки, любишь ты этого Ланцова, то бишь, что это я... Этого Телегина?

– Право, не знаю... – сказала, покраснев, Дементьева. – Я и сама не знаю, что со мною делается. Вот как не вижу я его, то чувствую, как он мне опостылел, хуже врага лютого, а как увижу, тянет меня к нему, просто удержу нет, и так тогда кажется мне, что век бы не отошла от него.

– Да, это правда, я и сама испытала на себе... В этом человеке есть что-то такое, против чего не может устоять ни одна женщина, как бы она ни была добродетельна. Одни его поцелуи чего стоят...

Олимпиада при этих словах густо покраснела и махнула рукою, как бы желая отогнать от себя какое-то видение.

– Но теперь я чувствую то же самое, что и ты, я ненавижу его, как пса смердящего, и хотела бы как можно поскорей избавиться от него.

– Должно быть, он слово такое знает, – сказала Марья.

– Ну, одним словом, плакать не будешь, когда с ним расстанешься?

– О, скорей бы избавил от него Господь! Грех тут только один.

– Значит, у нас с тобой желания одинаковы. Отлично! А насчет мужа и беспокоиться тебе будет нечего. Я все обдумала как следует; сперва он, понятно, взбесится, подумает, что ты сбежала с любовником, а тем временем я и сама зевать не буду. После того как мы устроимся как следует, я первым делом напишу письмо Екатерине Семеновне, в котором будет объяснено, что ты перед мужем невинна как голубица, и что всю эту историю придумали Матвей, Телегин и компания, потом и к самому Ивану пошлем письмо, чтобы он ни о чем не беспокоился, объясним, в чем дело, и даже пригласим его к себе. Поняла?

Лицо Марьи просветлело.

– И тогда мы опять будем вместе?

– Понятно! И даже вне всяких подозрений.

– А куда же мы убежим?

– У меня все это устроено. Сначала мы отправимся на богомолье в какой-нибудь женский монастырь, так что нас нелегко будет найти. Этим мы сделаем два добрых дела: во-первых, грехи свои отмолим, а во-вторых, спасем от лихой беды Бухтояровых.

– Батюшки-светы, да неужто им грозит беда? – не на шутку перепугалась Марья.

– Да еще какая! Ну, Бог помилует, свинья не съест. Так ты согласна?

Дементьева сообразила, что это был единственный исход в ее положении, потому что не сегодня, так завтра может состояться встреча двух враждующих братьев, причем Матвей, понятно, докажет перед Иваном всю виновность его жены.

– Да, я согласна! – воскликнула Марья и бросилась целовать руки Кравцовой. – Благодарница вы моя!

Но та привлекла ее к себе и, целуя в лоб, сказала:

– Несчастье соединило нас вместе, и кто знает, может быть, счастье разъединит нас и мы пойдем по разному пути. А теперь, Маша, ты с этой минуты не принадлежишь ни мужу, ни разбойнику, и вообще никому. Иди теперь, пока не вернулся Фома, как ни в чем не бывало, свари для них обед, а потом попросись у мужа в Гостиный двор, и там я буду тебя ожидать. Не бери с собою ничего!

Глава V

Сюрприз за сюрпризом

– СКАЖИ НА МИЛОСТЬ, двенадцатый час, люди говорят, а она незнамо где путается. Не задарма и сплетни разные распространяются супротив тебя, когда ты вечно дома не бываешь!

Так Иван приветствовал свою жену, которая, выйдя от Кравцовой, перебежала через двор в свою квартиру.

– А дрова ты принес?

– Принес. У плиты лежат. Да гляди, земляк там наш сидит, дядя Федор, напой его чаем. Давеча он рано ушел не пивши, не евши, и только что вернулся.

Проговорив эти слова, Иван плюнул на руки и, взяв лопату, энергично принялся сгребать выпавший накануне снег.

С сильно бьющимся сердцем вошла Марья в дворничью, где на корточках перед плитой сидел дядя Федор и, натужась, что есть сил раздувал огонь.

– А, здравствуй, Марьюшка! – приветствовал он дворничиху. – Полегче тебе стало опосля вчерашнего?

– Спасибо, дядя Федор, прошло, только голова болит что-то.

Мужик поднялся на ноги и сел на стул около окна.

– Да и угостил же ты нас письмецом-то, – продолжала она. – Просто так ошарашил, что мое почтение!

Федор как-то виновато взглянул на молодую женщину и сказал:

– Господи! Да коли бы я знал да ведал, что это проклятое письмо столько наделает неприятностей, то я бы в первую бы канаву бросил, вот оно что.

– Да какие неприятности-то! Вот дернула, прости Господи, Елизара нелегкая писать-то. Ведь он небось и не знает, что два родные брата теперь враги лютые и друг друга без ножа резать норовят.

– Да, про это у нас никто не знает.

– И маменька наша небось ничего не знает. А знай, что тут творится, умерла бы с горя, не токмо что заболела. Недаром, когда я ехала в этот поганый Питер, у меня так болело сердце! Чужло оно бедное беду неминуемую. А теперь, погляди-ка, что будет, сегодня или завтра Иван мой с Матвеем повстречаются. Матвей-то на язык востер, мужик хитрый-прехитрый, муженька моего кругом пальца своего окрутит, наговорит он на мою бедную головушку, и будет бить меня Иван смертным боем.

Марья вытерла слезы и стала мыть говядину. Дядя Федор участливо взглянул на молодуху и почувствовал, что и у него на глазах выступают слезы.

– Вижу теперь я, Марьюшка, все вижу, – проговорил он. – Ишь как извелась ты в Питере, а в деревне-то была что солнышко ясное. А теперь попробуй-ка приехать туда, то все, Матюшкину письму поверивши, пальцем тыкать начнут, вот она, мол, какая – напITERилась, мол. Нет, завтра же отпишу в село, пусть знают все, что туточка творится. Скажу я, что ты ни в чем не повинная и только зря из-за вражды братниной муки на себя принимаешь.

– Спасибо тебе, дядя Федор, за твое доброе слово, а не видать больше моего милого Подозерья, не видать мне больше света белого и не стерпеть мне страма лютого, руки наложу на себя. Не допущу, чтобы задарма бил меня муж!

– Да что ты, Машутка! – в ужасе воскликнул Федор. – Да нетто можно говорить такие слова, руки наложить на себя. Ах, Господи, силы небесные!

– А что же, разве легче мне будет, когда по злему навету Матюхиному муж ноги и руки у меня повывергает, по липу да телу моему грешному ногами топтать начнет, кожу со спины драть начнет?

Мужик печально поник головой. Он теперь ясно понимал безвыходное положение несчастной женщины и не знал, как этому помочь.

Между тем мысль о том, что она наложит на себя руки, так неожиданно для самой себя выраженная, понравилась Марьюшке. Теперь побег будет объяснен Федором тем, что она действительно лишила себя жизни, и потому муж ее искать не будет.

«Пусть тогда поищет меня да побегаает!» – подумала она. И злорадное чувство шевельнулось в ее сердце.

Наступило время обеда.

К этому времени вернулся Фомка и сообщил Ивану, что Матвей живет тут же на Большой Морской улице, номер дома такой-то.

– Это неподалеку от нас, а мы этого даже и не знали, – сказал Иван, злобно сверкнув глазами. – Ладно, вот опосля обеда мы с ним рассчитаемся, и я тогда покажу ему, где раки зимуют.

– Я был и в том доме, – сказал Фома.

– Был?

– Да. Я заходил к тамошнему дворнику, он меня даже знает немного, понятно, расспросил про Матвея, как он живет и когда можно будет повидать его по делу. Оказалось, что он живет с этой Гущиной в любви и согласии, только неизвестно, чем они занимаются, а живут при средствах и довольно хорошо, а на дверях у них даже надпись есть такая, как у господ порядочных: «Можно видеть от девяти часов утра до одиннадцати», вот оно как.

– Что он, доктор, что ли? – усмехнулся Иван.

– Что-то такое из себя изображает, – ответил Фома и затем прибавил: – Эх, хозяин, водочки бы опосля этакого походу!

– Это можно. Держи целковый и беги за полуштофом⁴.

Пока Фомка бегал за водкой, Марья начала подавать на стол вкусные жирные щи.

Дядя Федор был мрачен. Смотря на молодую женщину, он с горечью думал, что видит ее последний раз в жизни, так как не нынче, так завтра здесь должна разыгаться страшная драма, жертвой которой должна пасть эта добрая и красивая Марьюшка.

Все стали садиться за стол, прибежал и Фома с бутылкой в руке. Только Федор не двигался с места.

– Да что же ты, дядя Федор, подвигайся, – обратился к нему Иван.

– Спасибо, неохота.

– Это что еще за новости, отказываться от хлеба-соли, это не резон! Вот присаживайся, стаканчик водочки выпьешь, глядишь, и повеселеешь, а то, как я вижу, ты что-то приуныл.

– Как же не приуныть тут, – ответил он, подвигаясь к столу. – Письмо это меня очинно беспокоит, и прямо я тебе скажу, Иван Дементьевич, гони меня вшаей от этого стола, больно боюсь за Марьюшку.

– Э, полно, плюнь ты на все это, да и разотри! Я верю моей жене больше, чем самому себе, а кто про нее скажет что-нибудь, так ему во!

И Иван, сжав свой огромный кулак, потряс им в воздухе.

– А коли Матвей будет свое твердить? – не унимался Федор.

⁴ Полуштоф – половина штофа (нем. *Stof* – большой бокал, чаша) – единица измерения объема жидкости, применявшаяся на территории Российской империи до введения метрической системы мер. Использовалась, как правило, при измерении количества винно-водочных напитков. 1 штоф = 1,2299 литра.

– А нетто я ему в зубы глядеть стану, что он мне брат родной?! Дудки. По-моему, нужно так: коли хочешь братом быть, так в моей семье смутяинства не заводи, а будь по-братски, чтобы все было по-хорошему, а нет – так и на тот свет к чертям на рога спроважу! А ты, Марьюшка, тоже не унывай! Опротивела нам с тобой эта канитель питерская, возьму у хозяина расчет, заместо себя Фому поставлю, благо он мастер бутылки откупоривать, да поедем домой в наше Подозерье!

– Это после такого сраму? – отозвалась Марьюшка.

– А кто тебя там осмелится срамить, когда с тобою муж? – гордо подбоченился Иван. – Кто осмелится на тебя пальцем указывать? Жив тот не будет, вот что я тебе скажу! А вот братца я там осрамлю. Все его мошеннические дела и как он подговаривал меня хозяина обокрасть, все как на ладонь выложу, и так сделаю, что его как собаку паршивую в околицу не пустят! Наливай, Фомушка, твоя рука владыка.

На эту речь Ивана дядя Федор только одобрительно кивал головой.

– Да-да, это верно, следует, следует, – говорил он. – А пока ты соберешься домой ехать, я сам туда отпишу обо всем, что здесь творится.

Кончился обед, и Марья принялась мыть посуду. Не будь она виновата перед мужем в сношении с Ланцовым, то она с радостью схватилась бы уехать в деревню, но теперь она считала это невозможным, потому что Ланцов вновь стал бы ее преследовать и там, и поэтому надо было бежать, и как можно скорей. Она взглянула на часы, стрелка на которых приближалась к трем. Это был назначенный час, в который она должна была расстаться с мужем – на какое время, на долгое ли, короткое или навсегда?

Иван лежал на постели и курил папиросу. Глаза его слипались, и ему хотелось заснуть.

– Знаешь, Ваня, что я придумала? – обратилась к нему жена.

– Говори что, а то я спать хочу.

Они были вдвоем, и стесняться было некого.

– Отпусти меня в Гостиный двор.

– В Гостиный? Это еще что выдумала?

Марья обтерла руки, подошла к Ивану и, обхватив его шею руками, приблизила свое красивое лицо к его лицу:

– Дядя Федор давеча как сказал, что от себя написать письмо в село хочет, то этим и мне нарек дал: не послать ли и нам письмо Елизару о том, что никаких глупостей у меня ни с кем не было и что все Матвей писал облыжно, а маменьку нашу Ирину тоже успокоить надо и подарок ей послать как можно поскорей, хотя бы и завтра.

– А какой подарок ты придумала? – спросил Иван, крепче прижимая к себе жену.

Та крепко поцеловала его в губы и сказала:

– Темной шерстяной материи с цветочками на платье, потом платок большой головной такой же.

– Ну что ж, посылай. И то надо сказать, понапрасну только крик подняли на все село. Скажи, пожалуйста, добродетель у них у всех какая, так все в святые и метят! А поглядеть если на всех их, то почти всякая из них как была шлюхой, шлюхой и осталась. Ну да ладно, сколько капитала требуется, чтобы успокоить маменьку?

– Рублей шесть потребуется.

– Надо тоже убоготворить и дядю Елизара. Купи ему трубку, серебром отделанную, с такой же крышечкой, шелковый пояс с молитвой, это он любит, ну, рубаху бамазейную, что потеплее... Словом, бери из сундука красненькую. Пока я буду отдыхать, ты успеешь вернуться и самовар поставить.

Марья поцеловала мужа в последний раз (именно последний, потому что ей пришлось увидеться с ним через два года с лишним) и при этом, склонив голову на его груди, глухо зарыдала.

– Господи! Что это с тобой сегодня? – воскликнул в испуге Дементьев.

– Милый мой! Не могу перенести того, как меня обнесли. четвертый год я обвенчана с тобой, все верной женой была, а тут вдруг...

– Да полно тебе, успокойся, ничему я этому не верю.

– А завтра поверишь! Как пойдешь к Матвею, так и поверишь... Вот про это самое давеча мне Олимпиада Павловна и упреждала. Несдобровать тебе, говорит, у них, говорит, с Телегиным и Ковалевым одна шайка мазуриков! Им, видишь, тебя выжить из дому охота, вот и поднимают такой скандал. Матвеич очень хорошо знает твой характер и так подстроил дело, что комар носу не подточит. Я тебе вот что говорю, если Бог даст, все обойдется благополучно, то первым долгом гони из дома этих Ковалева и Телегина. Чтобы ихним духом не пахло!.. Олимпиада Павловна тоже уйти от них норовит, не может она перенести ихних воровских делов, я, говорит, из-за их, подлецов, в тюрьме сидеть не намерена. А кому знать ихние дела, как не ей. С ними же вместе и живет.

– По правде сказать, и я тут замечаю что-то неладное, – сказал Иван, закуривая новую папироску. – Все жильцы в доме живут обыкновенно, люди как люди, а эти – как мыслете... Те уходят на службу или по делам утром, а эти утром только еще возвращаются. Попробуй спроси их, откуда они, где путаются по ночам, сейчас в амбицию. Какое тебе дело и все такое. А раз Олимпиада Павловна так про них говорит, что это одна мошенническая шайка, да еще сама хочет уйти от них, то это надо иметь в виду. Сегодня же сделаю заявление в участок, что у нас живут подозрительные жильцы. А ты тем временем упреди эту барыню.

– Хорошо!

Пока Иван говорил все это, Марья вынула из сундука деньги, пересчитала их и положила в кошелек. Затем она стала надевать на себя платок и шубку.

– Тебе самому ничего не нужно покупать? – спросила она, стараясь говорить спокойно.

– Да почти что ничего... А, впрочем, захвати полфунта табаку «шапшал» и тысячу гильз в коробочке.

– Больше ничего? – спросила она, взявшись за *ручку* двери и смотря на мужа.

– Больше ничего.

– Ну, прощай!

Она издали перекрестила его и, отворив дверь, быстро вышла.

Это показалось Ивану странным.

И прежде его жена уходила иной раз на целый день, и ничего подобного не было. Сердце Ивана как-то защемило, и он вскочил с кровати, быстро надел валяные сапоги, полушубок и, схватив шапку, чуть не бегом бросился к воротам.

– Жена проходила тут? – спросил он стоявшего тут Фому.

– Вот сию минуту наняла извозчика и поехала. Вон она!..

И он указал на виднеющуюся уже вдали ехавшую темную фигуру.

– Эх, досада, – махнул рукою Иван. – Я хотел ей сказать, чтобы она еще купила... Ну наплевать!..

И он медленно отправился обратно.

Не доходя своей квартиры, он встретился с Кравцовой, которая несла с собою большой, туго набитый саквояж.

– Здравствуйте, Дементыч! – приветливо кивнула она головой. – Жена ваша дома?

– Сейчас отправилась в Гостиный двор за покупками.

– Ах, какая досада! Когда она вернется, скажите ей, чтобы она зашла ко мне вечером.

– Хорошо-с.

Кравцова вышла из ворот на улицу и, наняв извозчика, тоже помчалась в Гостиный двор. Иван пошел к себе, разделся, лег и проспал до самого вечера.

Проснувшись, он увидел сидевшего у стола Федора.

– А где жена? – спросил он.

– Не знаю, не видал. А пришедши я давно... – ответил Федор.

– А который теперь час?

– Шесть, седьмой.

Иван вскочил с постели:

– Да что же это такое, седьмой час, а ее еще нет! Что же это такое?!

– Это не к добру, – сказал Федор.

– Как это не к добру?

– А так... Давеча без тебя, когда она обед варила и очень сильно плакала, – начал Федор, – так убивалась, бедная, что у меня самого сердце упало и слеза прошибла. Я, говорит, сколько годов с мужем законным прожила и греха на уме не держала супротив его и держать не намерена, а теперь срамоту такую возвели, а если Иван, говорит, пойдет к Матвею, то я руки на себя наложу.

– Так и сказала?

– Понятно, я испугался, и говорю ей: что ты, Господь с тобою, грех тебе говорить так, а она свое ладит и говорит Лимияду какую-то поминаючи, что будто Матвей так повернул ловко дело, что, как ни кинь, все она будет виновата.

– Это самое она и мне говорила, – произнес Иван, мрачно смотря на дверь.

– Оно так и вышло, значит, – продолжал Федор. – А как ты за обедом порешил видаться с этим Матвеем... Злодей он тебе, а не брат родной! – раздражительно произнес он. – Как порешил, так она, никто и того не заметил, кроме меня, побелела вся, что твое полотенце, и чуть было тарелку не уронила, которую держала в руках. А сама улыбается и таково весело так отвечает. Ну, думаю, теперь дело табак!

– Да, значит, не задарма она, уходивши, меня благословила, – тихо произнес Иван, и вдруг, в приливе страшного бешенства, он вскочил из-за стола и с такой силой ударил по нему, что одна доска разлетелась надвое и вся посуда, подпрыгнув кверху, очутилась на полу.

– Вот как я завтра благословлю всю эту шайку! – крикнул он дико, сверкнув глазами.

Федор съежился, прижался спиной к стене и со страхом смотрел на Ивана. Но это был только момент, старик вдруг ободрился, встал с места и твердыми шагами подошел к Дементьеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.